

Марина Тосохова
Маргарита Тосохова

Трижды Александра

Серия
«Трианон-мозаика»

Марина Посохова

**Трижды Александра.
Серия «Трианон-мозаика»**

«Издательские решения»

Посохова М.

Трижды Александра. Серия «Трианон-мозаика» / М. Посохова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907116-3

Жизнь можно рассматривать как череду бесконечных историй с продолжением. Любовная драма XVIII века десятками нитей переплетена с остросюжетной историей наших дней. Любовь и смерть, верность и предательство, отчаяние и надежда — всему найдется место в этой книге. Одно из значений слова «трианон» — трижды тайный, трижды неизвестный. События рассыпаны на мелкие осколки, и зачастую герои, даже находясь в центре действия, не могут охватить всю картину происходящего. Тайна открывается лишь читателю.

ISBN 978-5-44-907116-3

© Посохова М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I Двойное отражение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Трижды Александра Серия «Трианон-мозаика»

**Марина Посохова
Маргарита Посохова**

© Марина Посохова, 2018

© Маргарита Посохова, 2018

ISBN 978-5-4490-7116-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I Двойное отражение

Петрорецк, ноябрь 201... года

Юлия снова прислушалась: нет, не показалось. Кто-то тихонько скребся у входной двери. Она запахнула на себе полы длинного вязаного кардигана, приоткрыла широкую створку и выглянула в щель.

На пороге, под навесом на кованых металлических стойках, сидел, дрожа и поскуливая, мокрый рыжий пес с длинными, покрытыми кудрявой шерстью ушами.

– Ты откуда взялся? Ты чей? – задала риторические вопросы Юлия.

Она открыла дверь пошире, впуская мокрого пришельца, заодно окинув взглядом двор дома. Двор был пуст, если не считать укрытых на зиму пленкой газонов и клумб, выложен разноцветной плиткой. Невысокие ажурные ворота заперты, никого не видно ни внутри ограды, ни снаружи.

– Что же мне с тобой делать? – продолжила свой монолог Юлия. – Ладно, покормлю, обсохнешь, а там решим.

Вместе с собакой они прошли в кухню, здесь же, на первом этаже дома. Порода собаки определялась безошибочно: кокер-спаниель, точь-в-точь такой же, как у доктора Мортимера в фильме «Собака Баскервилей». Длинные, тяжелые, вислые уши, кудрявая рыжая шерсть, породистая длинная морда. И невероятно умные и грустные глаза. Юлин дядя был страстным охотником, и у него когда-то жил такой же пес. Поэтому она имела представление, как кормить этого английского аристократа.

– Кости тебе нельзя, особенно трубчатые, это я знаю. Да у меня косточек и нет. Зато есть куриное филе, для себя покупала. Ладно, поделюсь с тобой.

Приспособив подходящую миску, Юлия нарезала туда белого куриного мяса, но не успела она выпрямиться, как пес смел все дочиста.

– Ого! Мне тебя и не покормить! Давно не ел?

Юлия провела по спине нового знакомца рукой – пес был упитан, хребет не прощупывался. На сильной гибкой шее имелся прочный кожаный ошейник. Шерсть не была грязной, разве что лапы. Вытерев их мокрыми кухонными салфетками, Юлия подрезала в собачью миску еще мяса и присела рядом на корточки. Пес снова съел все мгновенно, и замахал обрубком хвоста, глядя в глаза преданно и доверчиво.

– Что же мне с тобой делать? Понимаешь, это не мой дом. Я тут временно и ненадолго. Как ты сюда попал?

Пес на вопросы не отвечал, а выходить и осматривать двор не хотелось. За окном ступились ранние ноябрьские сумерки, время от времени ветер бросал в стекло брызги мелкого дождя пополам со снежной крупой. Юлия снова запахнулась в уютный кардиган и не торопясь перешла в гостиную. Собака, чуть помедлив, отправилась за ней, попутно обнюхивая все, что попадалось по дороге – ступени, перила, мебель.

– Ладно, оставайся до завтра, не выгонять же тебя на ночь глядя. И мне с тобой веселее – поделилась планами Юлия, забираясь на диван с ноутбуком на коленях. Пес устроился возле нее, свернулся, положив морду на лапы, и вскоре засопел.

Юлия листала электронные страницы, разглядывая репродукции живописи. В Петербурге она с сентября ходила в лекторий при Эрмитаже, и теперь знакомые с детства сюжеты смотрелись совсем иначе. Когда пришло время ложиться спать, Юлия поленилась перебраться в спальню, и так и осталась в гостиной на диване, только укрылась мохнатым пледом, захваченным из своего дома.

Ее разбудил звонок мобильного. Не сразу поняв спросонок, где она находится, Юлия нашарила в темноте телефон.

– Я тебя не разбудил? – раздался в трубке голос мужа.

– Сколько времени? – охрипшим со сна голосом спросила Юлия

– Ох, прости! Я совсем запутался с этими часовыми поясами! Я хотел сказать, что долетел нормально. Пока, позвоню!

Вызов завершился. Юлия поднесла к глазам мобильник – семь утра. За окном непроглядная темень. Она попыталась снова завернуться в плед, но кто-то настойчиво дергал за его край. Пришлось включить свет и сесть на диване.

Пес сидел рядом и выжидающе смотрел преданными глазами.

– Ну, что с тобой делать! Пойдем!

Навертев на себя все, что имелось из теплой одежды, обувшись в тяжелые резиновые сапоги на фетровой подкладке, купленные в прошлом году в Финляндии, Юлия продела под ошейник крепкий шнур, обнаруженный на кухне, и вышла вместе с собакой в темноту. Снаружи оказалось предсказуемо мерзко – дул пронизывающий ветер, сеял нескончаемый дождь пополам со снегом. За воротами пес взял низкий старт и понесся вперед, таща за собой Юлию на импровизированном поводке.

– Кто кого выгуливает, а? – задыхаясь на бегу, пыталась взывать к собачьей совести Юлия.

Но пес молча и азартно работал крепкими лапами, время от времени останавливаясь, чтобы принюхаться к чему-то, интересному только ему. Юлия смирилась со своей участью, не забывая оглядываться по сторонам, боясь заблудиться в незнакомом месте. Минут через десять улица маленького городка закончилась, и начался кросс по пересеченной местности. Юлия безуспешно пыталась повернуть своего поводыря обратно, туда, где слабо светились редкие фонари, но силы были неравны.

Под ногами зачавкало как в болоте. Юлия с отчаянием вцепилась в поводок, готовая пойти на крайние меры, только бы остановить этот бег в темноте, и едва не полетела в едва подмерзшую грязь. Собака замерла как вкопанная, приняв странную стойку. Юлия подергала за ошейник, но с тем же успехом она могла попытаться сдвинуть трактор. Вытащив из кармана куртки мобильник, она посветила им туда, куда, напрягшись всем телом, указывал пес.

Вначале она увидела глубокую колею, вырытую в болотистом месте колесами автомобиля. Пожав плечами, провела лучом света вокруг. Похоже, сюда въехала какая-то машина и забуксовала. Обыкновенное дело, только время года не слишком подходящее для пикников на природе. Вот и снег уже слегка припорошил следы. А это откуда? Юлия наклонилась ближе, пытаясь рассмотреть что-то цветное.

Чуть в стороне от колеи валялась женская туфля на высоком тонком каблуке. Присев над ней, Юлия вплотную поднесла экран телефона. Действительно, туфля. И не какая-нибудь, а марки «Джимми Чу». Причем практически новая, краска на подошве едва начала стираться, в ней если и ходили, то больше в помещении, чем на улице.

Да разве в ноябре можно ходить по улице в таких изящных туфельках? И где вторая туфля? Юлия старательно вглядывалась в темноту, пытаясь отыскать пару этой непонятно откуда взявшейся обуви. Но сколько ни смотрела, ничего, кроме коряг и пучков жесткой болотной травы, не увидела. Как она сюда могла попасть?

Устав от риторических вопросов, от стояния на холоде, Юлия попыталась увести собаку с этого странного места. Ей это удалось только ценой невероятных усилий и долгих уговоров.

Вернувшись в цивилизацию, обозначенную асфальтом и тусклыми фонарями, Юлия пошла на светящуюся вывеску «Продукты», справедливо полагая, что, несмотря на ранний час, это может быть единственное место, где здесь можно что-либо узнать. Ей повезло – магазинчик уже открылся, внутри располагались прилавки, из-за которых на нее заинтересованно

установились сразу несколько пар внимательных женских глаз. Заметив в углу прилавков с товарами для животных, Юлия направилась туда.

– Ну что, красавчик, опять встретились? – приветствовала пса продавщица, а может быть, и владелица отдела.

– Вы его знаете? – обрадовалась Юлия. – Он вчера вечером приبلудился, скулил под дверью.

– Ну, не то чтобы знаю, а видались, – охотно отозвалась тетенька в синем нейлоновом не то фартучке, не то халатике поверх толстого вязаного свитера. – Как они его называли, из головы вылетело?

– Хрюша! – подсказала продавщица из овощного отдела.

– Нет, не так... вспомнила, они его Хьюша называли, я еще у них спросила, почему у собаки пороссячья кличка, а они сказали, что его вообще-то Хьюго зовут.

Пес, услышав кличку, завилял обрубком хвоста.

– А кто называл? – уточнила Юлия.

– Были тут одни, муж с женой, наверное, из Питера, номера на машине питерские. Спрашивали, не нужна ли кому собака. Значит, просто так бросили тебя, рыженький?

– Как это? – поразилась Юлия. – Просто так взяли и бросили?

Продавщица философски спокойно пожала плечами:

– Что ж поделаешь! Такое случается, и не так уж редко. Заведут собаку, поиграют со щеночком, а потом надоест. Собака, особенно в квартире, много хлопот доставляет. Выгуливай ее, корми, каждый раз после прогулки помыть надо, да шерсть с нее сыплется, да лает по всякому поводу... И уборки много, и расходов, вот и не выдерживают люди.

– Но есть же собачьи приюты. Зачем же на улице бросать?

– Да кто ж знает, что у людей на уме. Может, пытались, а мест не оказалось, помыкались-помыкались, да и оставили. Хорошо, что не в чистом поле, а в городе. Все больше шансов, что подберет кто-нибудь сердобольный, вроде вас.

– Тут один мужик недавно подобрал охотничью собаку, повыше этой, в крапинку, видно, тоже выгнали – подала голос девушка из кондитерского отдела, раскладывая на витрине выпечку.

– Охотничьи породы труднее всего в квартире содержать. Они собаки сильные, выносливые, им двигаться надо. И нравом серьезные, даже самые безобидные на вид таксы или вот этот симпатяга.

Юлии стало не по себе.

– Как же быть? Я здесь ненадолго, можно сказать, в гостях...

– А, так это вы в доме Полтавцевых живете? То-то я смотрю, свет у них вечером горел, а они в Москву переехали. Не удивляйтесь, у нас город маленький, все на виду. Вы кто им будете?

– Знакомая – не нашлась, что ответить, Юлия. – Что же мне делать? Может, объявление дать?

– Дать-то можно... Ладно, и мы поспрашиваем.

– Постойте, мы сейчас с собакой проходили недалеко отсюда, вон в ту сторону, и Хьюго нашел следы от автомобиля, и туфля там тоже лежит, женская, довольно дорогая, на высоком каблуке... Может, машина его хозяев там забуксовала?

– Да нет, они в другую сторону уехали, точно. А женщина в сапогах была, высоких, черных. Не сезон сейчас для туфелек!

– Да вы, девушка, не расстраивайтесь, это хорошая примета, если собака приبلудилась, это к новому другу! – включилась продавщица из овощного отдела, должно быть, заметив, как расстроилась Юлия.

Она купила пару банок собачьих консервов, пакет сухого корма, и вышла из магазина, озадаченная свалившимися на нее заботами. Положительного в этой странной истории было только то, что Юлия совсем забыла о своих руках, еще со вчерашнего вечера.

Санкт— Петербург. Сентябрь 1736 года

Высокая дверь, густо покрытая позолоченной лепниной, тяжело подалась, отворяясь. Из нее выскользнул высокий парень в широковатой для него ливрее, испуганно взглянул на насупленного старика в такой же одежде.

– Отослал, ничего не желает...

– Тебе, дурья башка, и не приказано ни о чем спрашивать. Твое дело нагар со свечей снимать!

Старик с трудом поднялся, упираясь узловатыми руками в колени, подошел к двери, прислушался. Из покоев не доносилось ни звука, только в самой лакейской негромко читал вслух «Четьи – минеи»¹ Прокопыч, грамотный и набожный лакей, служивший прежде в доме Меншиковых, что на набережной. У Густава Бирона много было людей из прежней дворни бывшего светлейшего князя, и тому имелось немало причин.

В приданое за Александрой Александровной Меншиковой получил Густав не только деньги и ценные вещи, конфискованные при покойном Петре II, но и немалую часть имений вместе с тысячами крепостных. Несметно был богат светлейший князь Александр Данилович до самой опалы. А что помер он в ссылке «яко наг, яко благ» – на то воля Божья.

– Что барин делает? – свистящим шепотом спросил старик Федотыч у парня, когда вернулся на свое место на лавку, что покоем опоясывали лакейскую вдоль стен.

– Ничего не делает... Сидит, как неживой, за столом, – заторопился парень, испуганно косясь на строгое лицо старого лакея.

– Понимал бы ты!.. – недовольно буркнул Федотыч.

Парень поерзал на сиденье. Ему скучно было сидеть, сложа руки, и монотонный голос, читающий жития святых, не привлекал его внимания. Но Федотыча, старшего лакея, он опасался – того и гляди, получишь трепки за излишнее любопытство. К удовольствию парня, еще двое лакеев помоложе зашептались между собой. Он вытянул шею, прислушиваясь.

– А чего это барыню хоронили в царской короне?

– Дура, не в царской! Сказывают, принцесса она была, как это... Священной империи, нет, Римской священной империи, во как!

– Неужто не православная? – испугался один из собеседников.

– Эхх... Какой не православная, сам митрополит заупокойную служил, в Лавре схоронили! – Говоривший значительно пожевал губами, но про себя подумал, что и сам не сильно разбирается в этих хитросплетениях титулов и церемоний. На его счастье подал голос Федотыч. Говорил он негромко, веско, все затихли, даже Прокопыч замолк, положив потрепанную книжицу на колени.

– Александр Данилович, Меншиков-то, еще при первом Петре такой титул получили, за заслуги его великие. «Светлейший князь», ни у кого из государевых подданных такого звания допрежь не бывало. Сам император Священной Римской империи ему такую бумагу прислал. Оттого корону он сам и потомки его право носить имеют. Вот только не осталось никого, кроме Александра Александровича...

Воцарилось молчание. Сидящие снова вспомнили сегодняшнюю церемонию. Всю прислугу с утра собрали в большой зале, где на постаменте стоял пышный глазетовый гроб с кистями. По одному подходили к нему, поднимаясь по ступеням. Среди цветов лежала моло-

¹ Четьи – минеи – жития святых православной церкви по порядку месяцев и дней. (Здесь и далее – прим. авт.)

дая хозяйка в причудливой короне и просторном платье из серебряной парчи. На левой руке у нее навеки покоилось новорожденное дитя, тоже словно облитое серебром.

Мужики степенно прикладывались к бледной восковой руке усопшей, а бабы пронзительно голосили, утираясь концами праздничных платков. Когда вой стал невыносимым, один из священников строго приказал разойтись и пропустить к гробу родных.

Родных оказалось немного. Первым подошел младший брат усопшей, совсем еще юноша. Поднялся, поцеловал покойницу в лоб, заплакал, всхлипывая и вытирая слезы. В толпе зашептались:

– Ишь, последний-то... Из всех Меншиковых один остался, оттого и горюет...

Следом показался тот, на кого все присутствующие переключили свое внимание.

Через залу неуверенными шагами шел Густав Бирон, супруг усопшей. В воцарившейся тишине поскрипывал дорогой наборный паркет под его ботфортами, потом звук шагов стал еле слышным – вдовец ступил на ковер, покрывающий постамент с гробом. Остановился, не дойдя до ступеней. Стал, пошатываясь, и через пару мгновений неловко завалился набок. Толпа ахнула, загудела. Послышались голоса:

– Лекаря! Лекаря!

Лекарь, пожилой немец в старомодном белом воротнике и белых же чулках, засеменил к упавшему без чувств, на ходу капая в стакан с водой настойку оленьего рога. Подсунул его младшему Бирону, что-то озабоченно бормоча.

В толпе дворовых зашептались:

– Не иначе совесть замучила... Сказывают, уж не первый раз без памяти падает... А ну, как молодую барыню со свету сжил, немчура?

– Ври больше! Он на нее ветру венути не давал, даром что нехристь.

– Какой-никакой, а во Христа верует, пусть и по-своему. И в церкви Божией венчался, все, как положено.

Ледаций² мужичонка с прямыми волосами и бородкой, примоченными квасом, не уни-мался:

– А все же чужой веры... Поди, за великим приданым убивается?

К нему негодуяще повернулось сразу несколько голов:

– Сидел бы на своей кухне, да помой выносил! Уж года четыре, как повенчаны, небось, из казны все возвернули, что при опале забрано!

На них грозно шикнули, вновь воцарилось молчание. Густав Бирон поднялся по ступеням к гробу, медленно наклонился, прикоснулся губами к бледному лику покойной, провел рукой по парчовым пеленкам младенца. Повесив голову, спустился в зал и пошел к группе людей, стоящих поодаль. Навстречу ему послышалась немецкая речь, потянулись руки в шитых золотом обшлагах. Густава первым обнял красивый, богаче всех разодетый вельможа, похлопал успокаивающе по спине, что-то сказал, не утишая голоса.

– Вон, братец-то ихний, сами пожаловали, – снова не утерпели шептуны в толпе дворни.

– Разодет-то как, словно и не на похороны...

– Да еще и не похороны, сказывали, в Лавру сама императрица пожаловать обещалась.

Дворню вскоре выпустили из залы, бабы снова подняли прощальный вой, от которого иностранцы болезненно морщились. За гробом от Миллионной, где проживал Густав Бирон с семьей, до Лавры пошли только доверенные старшие слуги.

Прошка, парень лет 17, только по весне взятый из возвращенной из казны деревни Меншиковых за расторопность и сообразительность, на похороны не попал, и теперь маялся любопытством. Федотыч покосился на него: на юном лице, с первым пухом на румяных щеках, была написана такая безнадежность, что старик не утерпел, смягчился. Ему и раньше нравился

² здесь: тощий, невзрачный

Прошка, безотказный, веселый и хваткий к любой работе. К тому же он напоминал Федотычу его самого в молодости – был Прошка не по годам плечистым и рослым. Старик только ждал, когда сам парень не выдержит и первым заговорит. Ждать пришлось недолго.

– А... Неужто сама императрица хоронить нашу барыню приезжали?

Для порядка нахмурившись, Федотыч принялся рассказывать, что видел на правах старого, преданного слуги дома. Вскоре сам не заметил, как увлекся.

– Как не быть! Сама она, матушка императрица Анна Иоанновна, сосватала нашу Александру Александровну за теперешнего хозяина. Сама и посаженной матерью на свадьбе была, сама вот и в последний путь проводила...

Похороны знатные были. Как за ворота гроб вынесли, на открытую коляску поставили, богатым покрывалом накрыли. Следом кареты с провожающими поехали, целая вереница, конца-краю не видно. И гвардейцы весь поезд сопровождали... Чай, жена генерала, так положено ей по чину.

– А она, барыня наша, со мной разговаривала, весной еще – не удержался Прошка. Он испуганно отшатнулся, ожидая оплеухи за вольность, но старик не склонен был выходить из воспоминаний.

– Милостивая она была, голубушка... А уж хороша-то как, глаз не отвести! Сестра ее родная, старшая, с самим императором Петром II, или как его еще прозывали, Петром Малым, обручена была. Слыхал? Должно, мальцом ты еще был... А наша барыня, Александра Александровна, ничем не хуже ее, а, может, и красивее... В матушку обе красотой пошли, и личиком, и нравом. А чего тебе барыня говорила?

– Откуда, спрашивала, из какой деревни взят. Сказал, а она вроде как закручинилась. Помню, говорит, проезжали...

– Ах ты, бедная, где ж не закручиниться!.. В ссылку всей семьей ехали, и это после всех монарших милостей!

– А верно, что всех Меншиковых увезли, в чем были, и все-все в казну отобрали? – расхрабрился Прошка.

– Не сразу... Поначалу выехали мы огромным обозом, одной дворни было нас почти полтораста душ. И пажи, и гайдуки, и лакеи, повара, портные, певчие. Даже два карлы, чуть боле локтя ростом, для увеселения ехали. Солдат, что наш обоз сопровождали, вполонину меньше... Тогда, помню, в Тосно мы стояли, начальствующий над охраной, Пырский его звали, не тем будь помянут, приказал нам оружие сдать.

– Зачем, дяденька Федотыч?

– Должно, боялся, что мы своего барина отобьем. Али приказание такое имел... Как сейчас помню, 18 фузей, 35 пар пистолетов, да палаши, да кортики, числом до полусотни... И на каждой станции людей убавляли, по деревням отправляли. Поначалу-то нам сказано было, что путь наш в крепость Ранненбург лежит. Сам Александр Данилович, барин наш, эту крепостцу и приказал выстроить. С дороги послал он меня вперед, чтобы строения и службы к приезду ихнему обустроить. В последний раз сам он в Ранненбурге лет за семь до того наезжал, тогда доволен остался. А теперь все предстояло наново в порядок привести. Дом там большой стоял, красной с черным черепицей крытый, на голландский манер. На верхнем этаже 46 покоев, да 14 на нижнем. Одних стекол вставить чуть не двести кусков надо было, а в службах слюда в окошках обветшала. Кровлю поправить надобно на поварне и на конюшне, а хуже всего, что мебелий вовсе не в достатке имелось. Три стула, кожей обитых, да столов семь штук, липовых и дубовых, вот и вся обстановка.

Совсем я за голову схватился, как же это всю ораву-то разместить, насилиу раздобыл, чем жилые покои обставить. Столовых запасов приказал наготовить, меда и пива, да на Покровской ярмарке рыбы закупить. Приказчики из вотчин, что ближе к Волге, расстарались прислать яицкой и волжской икры разных засолов.

За то время, что я в отлучке пребывал, много чего случилось. Варвару Михайловну, свояченицу хозяина, приказали в монастырь отправить. Всю жизнь свою она с семьей сестры провела, всем хозяйством заправляла, сам хозяин с ней совет держал. Хозяйка-то, Дарья Михайловна, понежнее складом, больше мужем и детками занималась, семеро их у них народилось, до взрослости трое дожили. А Варвара Михайловна, хоть и горбунья, весь дом и управление именьями на себе тянула.

В Клину уже это случилось. Варварушку в Александровский монастырь увезли, а тут кульер подоспел. Привез приказание ордена отдать, что государями пожалованы прежде. А вместе с приказанием кольцо привез... То самое кольцо, что своему жениху нареченному, Петру II, Мария Александровна, сестрица старшая хозяйки нашей, при обручении на ручку надела. Залилась слезами, но делать нечего. Сняла она со своего пальчика царский перстень, и кульеру отдала. Ежели и оставалась надежда, что жених гнев на милость сменит, тут этой надежде и конец пришел.

– За что же их так, дяденька?

– Может, злые люди что наклеветали государю. Врагов-то Александр Данилыч Меншиков за свою жизнь немало нажил. Вместе с первым Петром стародавние устои через колено ломали, так может и цепляли кого, без этого никак... Да и Петр Алексеич второй, по правде сказать, мальчонка ишшо совсем был, что ему говорили, то он и делал.

Так и ехали. От остановки до остановки обоз наш все таял. А тут еще распутица осенняя, грязь непролазная. Александр Данилыч занемог вконец, слег, едва уговорили лекаря прислать и за нами следовать направить. Даже отлежаться болезному не давали, приспособили носилки меж двух лошадей, и так везли. Дарьюшка Михайловна, матушка наша, слезами весь путь исходила, так и померла потом где-то под Казанью. Такое горе настигло, что о протчих тяготах и обидах и думать забыли. А обид и притеснений чинилось немало.

Из Санкт-Петербурха отправлялись в великой спешке. Прислуга по дому роєм носилась, что ни попадя укладывала, да что, валом валила, что на вывоз годилось. Мебели, картины да ковры, конечно, оставить пришлось. Одного хрусталя 15 ящиков уложили, а взять не довелось – больно тяжела кладь...

Тридцать три кареты, коляски и колымаги спервоначалу считалось в обозе нашем. Потом все таял и таял он, и к Ранненбургу и половины в нем не осталось. Самую зиму провели там, в крепости. Капитан Пырский с солдатами за нами тогда приглядывал. Строг был – слыхивали, что обещали ему майора дать за службу, вот и лез он из кожи вон, чтобы выслужиться. Но ничего, нашел Александр Данилыч путь, как его улестить. На подарки светлейший не скупился, то часы золотые принять уговорит, то табакерки драгоценные, то перстни с камнями, а то и отрез золотой парчи или вовсе шубу со своего плеча. Брал служивый – то на свой день рожденья, то на супружны именины, то на новый год... И то сказано: «Не мазано колесо не вертится».

Из-за высокой двери послышался голос.

– Батюшки – святы, заболтался, старый, никак хозяин кличет!

Федотыч, не разгибаясь, вскочил и затрусил на зов. В полутемной комнате, где горел только один подсвечник, тьма сгустилась по углам и под высоким потолком. В круге света сидел, уронив руки на стол, человек в военном расшитом позументом кафтане. На столе перед ним, прислоненная к другому, незажженному подсвечнику, стояла высокая, в три пяди,³ узкая икона, светящаяся нежными золотистыми красками.

Петербург, май 201... года

³ пядь – старинная мера длины, расстояние между большим и указательным пальцами руки, примерно 17,8 см

Ли́ка Кузовлева смотрела в окно, крепко обхватив себя за плечи. Кусая губы, она глотала злые слезы, глядя на корявые тополя, покрытые зеленой дымкой молодых листьев. Кроме тополей и детской площадки внизу под окном в поле ее зрения попадала стайка припаркованных автомобилей, все как один, потрепанных и тусклых. Только на горизонте тонкой линией обрисовывались контуры Смольного и Исаакиевского соборов, да поблескивал золотом узкий шпиль Петропавловской крепости, словно в насмешку над откровенно убогим видом двора. Ли́ка круто развернулась и прошла вглубь длинной комнаты. Села на скрипучий диван, покрытый допотопным покрывалом, покосилась на ковер на стене. Ничем другим, кроме издевательства, она не могла объяснить то, что муж выбрал ей такую квартиру. Точнее, бывший муж.

Вызов в суд на бракоразводный процесс грянул для Ли́ки сродни грому небесному. Ну, ссорились они иногда, но кто из супружеских пар не ссорится? Ну, упрекал Андрей, муж Ли́ки, жену в беспорядочных тратах, а разве бывает иначе? Все Ли́кины знакомые жаловались на мужей, которые пытаются перекрывать кислород. Выглядеть сногшибательно требуют, а денег на этот непростой процесс жалеют! Сама Ли́ка привычно отмахивалась от претензий Андрея, когда ему приходили сообщения о расходах с карты жены. Но, поворчав, он, как правило, пополнял ее счет и замолкал до следующего раза.

А чего он ждал от Ли́ки? Что она, на время свадьбы еще студентка третьего курса, сядет дома с вязаньем в руках? Или станет у плиты лепить пельмени с котлетами?

Ли́ка невольно фыркнула, представив Андрея Демина, владельца ресторана «Обломoff», нахваливающим Ли́кину стряпню. Быть такого не может! Но тут же сникла. И развода тоже быть не должно, а вот же оно, постановление суда. Ситуация просто невозможная – Демин, вальяжный «папик» за сорок, выгнал собственную молоденькую жену, можно сказать, вытолкнул в шею. Мало того, оставил совершенно без средств. Всего неделю назад он сухо бросил, уезжая на работу:

– В четверг тебе надо быть в суде. Я подал заявление о разводе.

Хлопнув дверью, вышел, оставив Ли́ку с открытым ртом. Она сначала не поверила собственным ушам, подумала, что это дурацкая шутка. Попыталась ему звонить, но ни один из его номеров не отвечал. Тогда она принялась обзванивать своих подруг, но результат получился нулевой: все только ахали, задавали вопросы, но за возмущенным тоном проглядывало скорее любопытство, если не злорадство, а вовсе не желание помочь, хотя бы советом. Сгоряча Ли́ка подключила тяжелую артиллерию в лице своей матери, Ольги Кузовлевой. До нее оказалось дозвониться непросто. В прошлый раз Ли́ка разговаривала с матерью, когда та жила на Кипре, гостила, по ее словам, у знакомых. Но было это еще пару месяцев назад. Муж не поощрял частых контактов с матерью, да и у самой Ли́ки редко появлялось желание поболтать с ней.

После продолжительных гудков наконец раздался голос матери. Ли́ка сразу же выложила:

– Мам, он подал на развод!

После короткого молчания Ольга сухо осведомилась:

– А ты чего ждала? Ты хоть подготовилась?

– Как? – не поняла Ли́ка.

– Деньгами запаслась? Я тебя предупреждала! Замуж вышла без брачного контракта, так хоть бы о будущем позаботилась...

От возмущения Ли́ка задохнулась.

– Но ведь ты же сама!.. Ты сама расхваливала мне этого субъекта: «Самый подходящий экземпляр, уже нагулялся, перебесился, и даже детей от прошлых браков нет!»

– Ну, говорила... Да, опытный, даже слишком... Но я тогда больше всего обрадовалась, что ты не за этого, как его... Никиту, выходишь. Вот уже это был провальный вариант! Ты из области, да он квартиру снимает – вот парочка... В голове у вас только и сидело, какой клуб еще осчастливить своим посещением. Только неизвестно, на какие деньги! Он как, еще не сел за свои махинации?

– Мам! Ты о чем вообще? Я к тебе со своим горем, а ты мне про Никиту талдычишь!

– А ты мои советы слушала, когда к свадьбе готовилась? Когда ты из Демина еще могла веревки вить? Ладно, время – деньги. Сейчас я приехать не могу, а вот через месяц, может чуть больше, буду лететь через Питер, тогда встретимся. У тебя есть где жить?

Ли́ка буркнула что-то невнятное, раздавленная этим очередным предательством.

До дня бракоразводного процесса Демин дома не появился. Встретились они только в суде. Бывший муж предстал сухим, официальным и деловитым. Ли́ка про себя прокрутила массу вариантов, чтобы достойно выступить перед судьями, оделась соответственно. Она постаралась выглядеть примерно так, как в тот день, когда они встретились с Деминым. Тогда Ли́ка впервые попала в статусный ресторан, в старинном здании, с живой музыкой и виртуозно-незаметными официантами. Они с подружкой пошли отмечать окончание сессии. Денег на это мероприятие подружка выпросила у родителей, но, как оказалась, мало. То ли цены в ресторане «Обломoff» оказались слишком высоки, то ли студентки заказали все меню сверху донизу. Администратор, подошедший на тихий зов официанта, стоял рядом с их столиком с непроницаемой миной на лице, когда подошел Андрей.

Он сразу просек ситуацию, и не стал нагнетать обстановку.

– Девушки ошиблись с выбором вина? В меню указаны цены за сто миллилитров, а не за целую бутылку. Предлагаю простить нашим неопытным клиенткам разницу в счете. За счет заведения – повернулся Демин к внимательно слушающему администратору.

Тот кивнул, и исчез вместе со счетом и официантом.

В тот вечер Демин предложил подвезти домой обеих девушек, сначала подружку, а потом и Ли́ку. Она не преминула воспользоваться ситуацией, и удачно продолжала подыгрывать Демину. Раз он считает, что она девушка из хорошей семьи, студентка и почти тихоня, пусть так и остается. Тем более что дела в общем так и обстояли.

Студентка дизайнерского факультета, перешла на третий курс. Семья тоже имелась, правда, мать как раз разводилась с очередным отчимом. А тихоня – это уж как посмотреть. Но Демин смотрел глазами влюбленными, и не мог быть объективным. К тому же Ли́ка быстро просекла, что у ее нового знакомого есть пунктик. В первые же дни их отношений они сходили на очередную часть вампирской саги «Сумерки», что, надо сказать, Ли́ку удивляло, пока она не поняла – Демин ассоциирует ее с героиней фильма. Внешнее сходство и в самом деле имелось, правда, не столь уж значительное. Но Ли́ка была небольшого роста, хрупкая, изящная, с длинными каштановыми волосами и наивными глазами олененка Бэмби. В первое время у нее хватило ума не ломать сложившихся стереотипов, и свадьба произошла стремительно.

Единственный раз Демин поднапрягся, когда познакомился с будущей тещей. Ольга Кузовлева, стильная подтянутая (во всех смыслах) дамочка почти одного с ним возраста, пыталась очаровать будущего зятя. Но чем больше она проявляла старания, тем больше он мрачнел, потому что не раз уже обжигался на таких вот нахрапистых, если не сказать хищных, тетеньках. Поэтому он проявил максимум настойчивости при максимуме такта, чтобы теща исчезла из его дома раз и навсегда. Ли́ка вполне обоснованно догадывалась, что Демин выплатил Ольге кругленькую сумму отступного с тем, чтобы она перестала учить дочь премудростям замужней жизни. А также оказалась в максимальной географической удаленности. Ольга почти все годы, прошедшие со дня свадьбы дочери, провела в разных местах с теплым климатом и большой плотностью мужчин. Предполагалось, что таким образом она пытается наладить свою личную жизнь.

Демин, если и не мечтал, то надеялся устроить так, чтобы его жена осела дома и занялась воспитанием детей. Вначале Ли́ке было несложно противостоять этому желанию – предстояло заканчивать университет. Заодно неплохо удавалось скрывать студенческие вечеринки под предлогом коллоквиумов и семинаров. Тем более что муж, как успешный ресторатор, как правило, плотно бывал занят именно по вечерам.

Разумеется, Лика совсем не противилась идее завести детей. Милые малыши так очаровательно смотрелись в рекламах детских товаров и питания. И беременность сейчас не столь уж страшна – и красивых нарядов хватает, и средств по уходу за здоровьем и состоянием кожи в это непростое для женщины время немало. И новых праздников прибавится – Лике очень понравился «предрожденчик» – за несколько недель до родов друзья собираются где-нибудь в приличном месте, чтобы поздравить будущую роженицу, преподнести подарки ей и малышу, пока мамочка еще в состоянии попраздновать вместе со всеми.

Но куда торопиться? В двадцать лет жизнь кажется нескончаемой. И куда в таком случае девать целую гору красивейших нарядов для пляжа, которые, будучи загодя куплены, ждут повода их надеть? Вот съездят в очередной раз отдохнуть, побаловать себя изысканной кухней в исполнении блестящих европейских или азиатских мэтров – тогда и о беременности можно побеспокоиться. Вот уж и диплом дизайнера получен, теперь еще немножко отдохнуть, набраться сил и впечатлений. Зря Демин так торопится, все успеется.

Лика вздохнула и вновь обвела свое новое жилище глазами. Лучше бы не смотрела – контраст между прежней квартирой в «Парадном квартале» и этой однокомнатной халупой казался разительным. Они отличались друг от друга так же, как район Таврического сада, где этот самый «Квартал» недавно появился, отличался от безликого спального квартала на Полуостровском проспекте. На возмущенные претензии бывшей жены Демин рассудительно ответил:

– Чем тебе твое жилье не нравится? На карте это центр города, тут тихо, спокойно, зелено. До метро далековато, но, как мне думается, ты от метро давно отвыкла. Твою машинку я тебе оставляю, место для парковки сама найдешь. Квартира твоя на полгода, я оплатил ее вперед вместе с коммунальными. За это время вполне реально найти какую-нибудь работу. Образование у тебя есть. Денег на твоей карте тоже должно хватить на полгода, а то и больше.

Лика задохнулась от возмущения:

– И это все? Все, что мне полагается после развода?

– А ты на что рассчитывала? – спокойно парировал Демин.

– На половину твоего имущества – постаралась твердо произнести давно заготовленную фразу Лика.

Демин поморщился:

– Анжелика, не болтай того, о чем не имеешь понятия.

Лика взорвалась:

– Не называй меня этим дурацким именем! От него несет провинцией!

– Что же мне остается, если твоя мамаша так тебя соизволила назвать. И позволь напомнить, что ты в самом деле не в столице родилась! Даже не в северной. А по поводу имущества умерь свои аппетиты. Если бы у нас с тобой родился хоть один ребенок, вот тогда было о чем говорить. А так – извини. По нынешним законам все имущество, которое находилось во владении у супругов до брака, им же и остается.

– Нет, постой! – Лика взволнованно пыталась припомнить, о чем ей говорили знакомые и тот адвокат, к которому она обращалась после развода. – Ресторан и квартира, положим, были у тебя и до нашего знакомства. Но сеть этих дурацких забегаловок, как их, «Парковка», что ли... Ты их открыл меньше трех лет назад, я это хорошо помню!

– Я тоже хорошо помню. Ты даже не захотела заняться их дизайном, хотя я тебе предлагал. Я был бы рад, что ты интересуешься моими делами. Даже на готовый эскиз не захотела взглянуть.

– Да как же... Андрей Демин, «Обломoff», один лучших ресторанов города, входит во все туристические буклеты, и какие-то забегаловки!

Голос Демина стал неприятно вкрадчивым.

– Эти, как ты говоришь, забегаловки, и давали нам средства на жизнь, Анжелика... Статусное заведение требует огромных вложений, доходы от него не столь уж велики, если не хочешь терять понимающих клиентов. А твои траты росли не то что с каждым годом, а с каждым месяцем. Ты свою мамашу переплюнула играючи. Но я не о том хотел сказать. У тебя нет ни малейшего шанса доказать, что ты помогала мне в бизнесе, и пусть тебе не морочит голову твой адвокат. У него профессия такая – писать пустые бумажки, чтобы тянуть время и деньги с клиентов. Так что побереги и то и другое, и постарайся найти работу за те полгода, на которые оплачено твое жилье.

Санкт-Петербург, сентябрь 1736 года

Федотыч тихую стопою взошел в хозяйские покои, остановился почтительно чуть позади барина. Густав Бирон, не поднимая головы, глухо сказал, твердо пришепетывая, как у немцев водится:

– Позиди зо мной, старик...

Федотыч удивленно вскинулся, но перечить не посмел. Оглянувшись, присел на краешек стула, обитого по краям золочеными гвоздиками.

– Какая она была? – спросил Густав.

Видя, что старик его не понял, повторил:

– Какая она... маленькая была?

На глаза Федотыча навернулись слезы.

– Сущий ангел! В любви росла, ни зла мирского не знала, ни бедности... От нее, проклятой, тоже человеки лютеют! Ни в чем отказу не знала, а все ж сердобольная росла, ласковая. А однажды заехал к нам Петр Алексеич, государь, поздненько уж случилось. Родители в отъезде пребывали – должно, на войну батюшка Александр Данилыч отбыли, и матушка его, как водится, сопровождали. Так государь Петр Алексеич ее, ангельчика, сонную целовать изволили, и личиком ее румяным восхищались. Про то и в письме родителям отписали.

Старик замолчал, не решаясь продолжать. Видя, что хозяин по-прежнему сидит не шевелясь, тихонько заговорил снова:

– Семеро их, деточек-то, у Меншиковых народилось... Три сыночка – Лука-Петр, Самсон и Александр. Тех двоих во младенчестве господь прибрал, только Александр Александрович ныне здравствует... А девочки – Мария, Александра, Варвара и Екатерина. Всем им господь короткого веку дал...

Густав Бирон мотнул головой, выпрямился в кресле, перебил:

– Говорят, ты, старик, з ними во всю опалу был?

– И рад бы, барин, да доля наша подневольная! Сразу опосля нового года в Ранненбурге убрали нашего мучителя, Пырского, и взамен его прислали капитана Мельгунова. Но пуще всех изгалялся энтот Плещеев, что из Доимочной канцелярии. Ох, и свиреп оказался! Послали его нарочно пожитки описывать. Начал он, ирод, с чужестранных кавалерий. Российские ордена еще раньше отобрали, а теперь, сказал, Верховный совет повелел отобрать кавалерии у Александра Данилыча и сына его, понеже⁴ иноземные государи потребовали пожалованные награды вернуть.

Собрали нас всех, кто еще с хозяевами оставался, привели в столовую залу, и почали эти ироды ларчики, подголовники, футляры да сундучки открывать. Их загодя солдаты принесли и по столам расставили. Долго мы так стояли... Конца-краю богатствам не видно было! Писаря уж по десятку перьев сменили, под конец и не кажну вещь, а скопом отписывали: дескать, «15 булавок, на каждой по бриллианту крупному», «95 камней лаловых разных, от крупных

⁴ потому что, так как

до мелких», али «две коробки золота литого». Энтот, из Доимочной канцелярии, ажно голосу лишился, охрип писцам указывать, что в бумаги заносить.

Александр Данилыч с домашними у стеночки сидел, больше в угол глядел. Голову подымал, только когда самые памятные вещи доставались: трость с драгоценным набалдашником, за Калишскую победу полученная, али шпага с алмазным эфесом. Шпагу-то ему король польский самолично преподнес, а вот трость император Петр Алексеич собственноручно нарисовали, да по рисунку своему изделать велели...

– Я не о том тебя зпрашивал... Когда вы из Ранненбурга уехали?

– А по весне, сразу после Благовещения. В самую страстную неделю, не дали, ироды, и договеть, и светлый праздник Пасхи встренуть... Отъехали мы в повозках верст около восьми, и опять нас остановили, и пожитки наши проверили да записали. Кой-что сызнава отобрали...

– Опять ты о звоем! Дальше как было?

– Стало быть, сухим путем в Переславль, а оттуда уж до Соли Камской – водою. А там уж простились мы с Александром Данилычем, благодетелем нашим. В самую ссылку разрешено ему взять было только десятерых мужиков. Они ему и избу срубили для всей семьи, и часо-венку поставить помогли. Сам князюшка рядом с ними топор в ручках держал, еще с младых лет на верфях в Саардаме плотницкому мастерству выучился. Я опосля с одним из тех мужиков видался. Меня в одно из имений, что в казну забрали, отослали, а он из тех мест уроженец, при Анне Иоанновне возвернулся.

Сказывал, и как Мария Александровна померла, сестрица старшая – должно, с тоски... А после нее и сам князюшка пресветлый представились. Возле часо-венки, собственноручно срубленной, и схоронили его.

– А как же она одна там озтавалась?

– Александра Александровна? Все ж не совсем одна – братец при них младший жили, ладили они.

– Нет, не поймешь ты меня... Зкажи лучше, эта икона была з нею там, в Березове?

– Должно, была. Да, три самых дорогих складня⁵ со святыми ликами, один изумрудами осыпанный, два других с алмазами, велели хозяева схоронить доверенной служанке, Екатерине Зюзиной. Она месяц крепилась, не признавалась Плещееву, а потом все ж таки донесла. Бог ей судья! Те складни тоже в казну забрали. А вот этот образ сам князь заказывал на рождение Александры Александровны, точно по росточку младенческому. Нет на нем оклада драгоценного, а все ж дорогой он. Ишь, как светится! Строгановские мастера писали, с молитвою, с великим тцанием.

– Не похоже на икону – проронил Густав Бирон. – Иконы у вас темные, а эта как картина. Ландшафт. Только фигура позередине.

– Икона, не сумлевайтесь! Православные образа, они ведь разные, бывают простые, а случаются и красоты неописанной. Для них это не главное...

Петербург, май 201... года

В первые дни Лика еще не могла оценить всего масштаба разразившейся катастрофы. Она втайне надеялась, что развод, выселение в съемную квартиру, лишение привычных средств, позволяющих делать широкие траты, было всего лишь воспитательной мерой Демина по отношению к ней, юной жене. Она ожидала, что вот-вот раздастся звонок, и Андрей, пусть сухо и ультимативно, предложит ей какие-то свои условия, на которых она может вернуться к нему. Нельзя же так – сам приучил ее к безбедной жизни, сам дарил дорогие подарки, брал

⁵ складень – складная икона из 2—3 и более составных частей

с собой на деловые ужины и в поездки на отдых. Если бы он хотя бы устраивал громкие скандалы, сотрясал воздух угрозами – так нет же, ничего подобного не происходило. Поэтому Лика делала вид, что не замечает недовольства мужа.

Вспоминая эпизоды своего недавнего, но безнадежно ушедшего прошлого, Лика поняла, с какого происшествия началась точка невозврата. На встречу выпускников в феврале, в Татьянин день, Лика взяла без спроса одну из машин мужа. Демин был в отъезде, и Лика надеялась, что по возвращении он ничего не заметит. Но произошла досадная случайность, и последствия ее в виде глубоких царапин и небольшой вмятины, выдали ее с головой. Демин тогда хмуро сказал:

– Ладно, тебе хотелось похвастаться перед подружками. Но у тебя же есть своя машина?

Лика честно ответила, что взяла его автомобиль потому, что ее маленький красный «Мерседес» однокурсницы уже видели. У Демина окаменело лицо, и на том их разговор закончился.

Вести расходы самостоятельно оказалось непростым делом. Деньги с карты улетали с фантастической скоростью, хотя Лика изо всех сил старалась не покупать ничего лишнего. Один-единственный раз она решилась позвонить Демину, найдя подходящий повод. Позвонила она на стационарный телефон в кабинете управляющего рестораном, зная, что Андрей проводит там немало времени.

После приветствия она спросила:

– Извини, не подскажешь ли, куда ты положил мою диадему?

– Какую диадему? – довольно невежливо буркнул бывший супруг. – Я все твои побрякушки заранее отвез к тебе на квартиру вместе с вещами.

«Ага, и, чтобы уколоть побольнее, специально купил для этого знаменитые китайские клетчатые сумки. Где ты их только разыскал?» – подумала Лика, но вслух сказала совсем иное:

– Ту, что была на мне на свадьбе. Бриллиантовая диадема. Ты тогда пришел со своим другом, как его, ювелир, магазин у него на Невском. Он мне сам ее на голову и надел. Так где она?

– С чего ты взяла, что тебе ее подарили? Это его личная собственность, и он просто давал тебе ее поносить. У меня не хватило бы денег ее купить, даже если собрать все, что у меня есть – и повесил трубку.

Это был грандиозный облом! Лика так обрадовалась, когда вспомнила про ту злосчастную диадему, такие планы построила, представив, как она ее продаст. Ну, этого она Демину не простит! Она обязательно изыщет способ отомстить ему и заставит раскошелиться этого мерзкого скупердяя и подонка.

Но пока способ не найден, надо на всякий случай подстраховаться. Как там ищут работу?

Составив резюме, Лика разместила его на нескольких сайтах. В ответ она получила несколько предложений со столь смехотворными условиями, что не стоило принимать их всерьез. Пришлось обратиться со своей проблемой к знакомым. Этот способ оказался результативнее, Лике наконец пригласили на пару – тройку собеседований. Но все вопросы, которые ей там задавали, касались одной темы – какой у нее опыт работы и кто может дать рекомендации с предыдущего места. Потом вежливо обещали перезвонить, и своих обещаний не выполняли.

После одного такого собеседования Лика мрачно шла по Невскому, не обращая внимания на толпу, радостно снующую под долгожданным солнцем. Она отвернулась от этого муравьиного праздника, уставившись в витрину дорогого магазина. Манекены за стеклом уж были одеты в вещи из последней летней коллекции. Внезапно Лике показалось, что ее отражение раздвоилось – одна девушка в белой блузке и темной узкой юбке стоит перед витриной, а другая за стеклом, одетая точно так же, поправляет на манекенах наряды.

Присмотревшись, Лика узнала в своей копии однокурсницу. Звали ее Вера, а вот фамилию вспомнить сразу не удавалось. Во время учебы они почти не общались. Небольшой кру-

жок обеспеченных студенток мало пересекался с остальной массой сокурсниц. Ли́ка постояла, прикидывая, стоит ли поздороваться с Верой. Нет, не то... Ли́ка пыталась уловить ускользающую мысль, продолжая стоять перед витриной.

Раньше она никогда не обращала внимания на их очевидное сходство. Вера тоже была небольшого роста, с точеной фигуркой, с длинными волосами и большими бархатными глазами. В тот день Ли́ка еще не могла определиться, что ее так поразило, но ее неотрывно преследовала мысль – из этого что-то можно вылепить.

Все прояснилось на следующий день. Утром Ли́ка проснулась с навязчивым желанием куда-то двигаться, ей не сиделось на месте, но прогулка в сквере рядом с домом ничего не дала. Мешали собачники со своими разнокалиберными питомцами на поводках, не было проходу от мамаш с колясками и бодрых пенсионеров с палками наподобие лыжных. Прежде Ли́ка не обращала внимания, что на этом маленьком пятачке городской земли, засаженном лиственницами вперемежку с липами, столько народу. Мешал еще и гул машин с Полюстровского проспекта, плотно забитого транспортом.

Тогда она решительно направилась к своей машинке, припаркованной неподалеку, и влилась в автомобильный поток, надеясь отыскать более укромный уголок. Незаметно она оказалась уже на самом краю города, и ей на глаза попался указатель с названиями, среди которых значился и родной город Ли́ки. Не раздумывая, она перестроилась в тот ряд, откуда можно было свернуть на шоссе, ведущее в Ленобласть. Ее не оставляло чувство, похожее на лихорадочное волнение, не прошедшее спустя несколько десятков минут, когда она остановилась перед домом, где выросла.

Дом показался ей обветшавшим, словно покрытым пылью. На балконе третьего этажа, где пустовала их с матерью квартира, раскачивались бельевые веревки. Нет, не затем она сюда приехала, чтобы вдыхать затхлый запах покинутого жилья. Ли́ка решительно выбралась из машины и зашагала к центру городка, до которого было рукой подать. Она быстро миновала крохотный горпарк с каким-то обелиском, увенчанным облупленной звездой, с незапамятных времен занимавший почетное место в центральной аллее, прошла мимо старинных торговых рядов, пестрящих многочисленными вывесками. После десятка скучных пятиэтажек потянулись уютные улочки из частных домиков, с заборами, утопающими в кустах сирени. Ближе к краю городка домовладения стали попадаться более солидные, новой постройки, с обязательными башенками и эркерами, отчего-то так полюбившимися домовладельцам в последние годы.

Ли́ка резко остановилась – улица заканчивалась, впереди темнел лес, перекликались птицы, воздух непривычно не имел горьковатого привкуса гари и выхлопных газов. Вот оно, зачем она сюда прикатила. Вот то, что никак не могло оформиться в ее голове.

Сюжет был незамысловат, но подходил безупречно. А то, что конец истории мог оказаться криминальным, Ли́ку не пугало. Считать себя дурой у нее не было серьезных оснований.

По дороге в Петербург Ли́ка находилась в том же состоянии, что и Архимед, когда он, если верить легенде, закричал: «Эврика!» Вскоре план был продуман в деталях, предстояло только начать действовать.

Петрорецк, ноябрь 201... года

Если хоть неделю назад кто-нибудь рассказал Юлии, что она приедет в Петрорецк, она очень бы удивилась. Ничто в ее жизни не предвещало перемен. Перемены сами вошли в дверь их с мужем квартиры в Петербурге, недалеко от Финляндского вокзала. Вообще-то вошел муж Юлии, Михаил, пропустив вперед себя двоих – высокого мужчину и подвижную, если не сказать вертлявую, женщину.

– Юленька, знакомься! Мой старинный приятель, учились вместе на юридическом, Юра Полтавцев! И, сама понимаешь, супруга его!

– Татьяна! – представилась маленькая, скуластенькая супруга. Не дожидаясь ничьей помощи, она быстро сбросила пуховик, расстегнула замки на сапогах, и, явив взорам полосатые носочки поверх колготок, шустро перебралась из прихожей в гостиную.

– Вот, оказывается, как банкиры живут!

Михаил поспешил уточнить:

– Танюша, банкиры – это владельцы банков, на худой конец управляющие, а я всего лишь начальник юридического департамента банка. Максимум меня можно считать топ-менеджером.

– Все равно, – отмахнулась Татьяна, – здорово тут у вас, Асташины! Потолки какие высокие! Сколько ж такая хоромина стоит?

Михаил деланно-шутливым тоном пояснил:

– Где уж нам уж... Это Юлиных родителей квартира, а они за город перебрались...

– Да? Это ты удачно женился! Твоя бывшая тебя ведь с одним чемоданом выпроводила? А теперь прямо красота... И диван так повернут... Юр, я так у себя диван поставлю – повернулась она к мужу.

Юрий молчал и улыбался, не обращая внимания на излишества своей супруги, глядя больше на Юлию, чем на интерьер гостиной.

– Юрий Дмитриевич – представился он, протянув руку. Чуть помедлив, руку убрал, потому что Юлия поспешно спрятала свои ладони за спину.

Татьяна, похоже, пресытилась разглядыванием хозяйского интерьера и предложила Юлии:

– Пойдем в кухню, пусть мужики о своем поболтают.

Чуть удивившись, Юлия пошла за гостьей, которая безошибочно нашла кухню по запаху томившегося в духовке жаркого.

– Ты по какому поводу стряпаешь? Михаил, что ли, сообщил о нашем приезде?

Снова удивившись, Юлия покачала головой:

– Нет, просто ужин готовлю...

– А меня на кухню арканом не затянешь. Хорошо, что Юрка неприхотливый. Еще когда сын с нами жил, приходилось варить-жарить, и то, больше помощница по хозяйству готовила. А теперь сынуля наш в Можайку поступил, в военно-космическую, и только на каникулы приезжает. А что это у тебя с руками?

Юлия вздохнула. Она уже привыкла к взглядам посторонних людей, но старалась по возможности прикрывать руки, почти не снимая перчаток, хотя дома, конечно, их не носила.

– Не знаю точно. Врачи говорят разное – то ли экзема, то ли аллергический дерматит. Но это не заразно – поспешила она успокоить собеседницу. Та, похоже, и не беспокоилась.

– Псориаз, типичный псориаз – авторитетно изрекла Татьяна, устраиваясь на кухонном диване с ногами и разглядывая разноцветные подушки с аппликациями.

– Твоя работа?

– Да, я сама делала. В журнале нашла...

– Ты не работаешь? А вот я ни за что не смогла бы дома сидеть! Я люблю среди людей быть, даже в выходные обязательно на работу заскакиваю.

Ее рассказ прервал грохот отбойника.

– Это что? – прокричала Татьяна, зажимая уши.

– Ремонт у соседей! – переждав пару секунд, когда шум на мгновение стих, ответила Юлия.

– Ничего себе! И давно?

Вопрос остался без ответа, потому что грохот возобновился. В кухню, морщась и качая головой, вошел Юрий, за ним Михаил.

– Так и живем! – пожаловался Михаил. – Новые соседи то ли сэкономили на мастерах, то ли им не повезло – делают что-то уж очень долго. Мне-то легче, я на работу уйду, а вот Юля дома сидит, совсем извелась.

Пользуясь временным затишьем, Юлия быстро накрыла на стол. Гости расселись по местам, но разговор не клеился – все прислушивались, ожидая новой волны нестерпимого шума.

– Минусы многоквартирных домов – подала голос Татьяна. Похоже, она не могла долго хранить молчание. – Мы к частному дому привыкли, а в Москве, наверное, таких домов и нет. Придется к соседям приноравливаться.

– Так это правда, что тебя в Москву перевели? – оживился Михаил. – Что ж ты молчишь? Твое повышение по службе надо отметить! Ты кем в Петрорецке был?

– Начальником ОВД – ответила за него Татьяна.

– А по званию?

– Полковник – улыбнулся Юрий. – Но в Петрорецке я был большой шишкой, а в Москве буду мелкой сошкой.

– Не прибедняйся! – засмеялся Михаил. – Тебя не могут не заметить.

– Вот и я то же самое говорю – подхватила Татьяна. – Ему ведь не раз уже предлагали и в Питер, и в Москву, а он ни какую.

– Нигде такой охоты и рыбалки нет, как у нас. И дом я люблю.

Его слова снова прервал оглушительный шум, на этот раз, похоже, грохотали молотки.

– Пойдем, зайдем к ним? – предложил Юрий хозяину дома. – Хоть спросим, много ли им еще работы осталось.

Они встали из-за стола и вышли из квартиры.

– А детей у вас чего нет? – поинтересовалась Татьяна – сколько лет вы уже женаты?

Юлия постаралась подавить в себе раздражение, пытаясь успокоить себя, что эту бесцеремонную особу она видит в первый, и даст бог, в последний раз в жизни.

– Больше двух лет. Детей мы хотим, и со здоровьем у обоих все нормально, но...

– Как же нормально, а пятна эти?

– Доктор говорит, что это не связано...

В кухню возвратились мужчины.

– Плохие новости! Они срывают и обдирают все, что раньше сделали. Хозяин недоволен и требует все начать снова – объявил Михаил.

– У меня есть предложение! – негромко сказал Юрий. – Наш дом в Петрорецке пустует, там есть все, что нужно, отопление не выключено. Поживите, сколько захочется.

– Вы разве дом продавать не собираетесь?

– Юрка и слышать про это не хочет – вступила в разговор неугомонная супруга. – Продать, и дело с концом, деньги на новом месте пригодились бы – потянулась она за новой порцией салата.

– Нет, дом я не продам – спокойно возразил Юрий. – Он у меня как пиджак, мне все впору, все по размеру. Все, что мне нравится, там есть.

– Слышали? Вот и поговори с таким. Не представляете, сколько трудов положено, чтобы выдернуть его из Петрорецка.

– Вот ключи, Михаил. Этот от входной двери, этот от гаражной, а вот этот длинный – от ворот. Если что будет непонятно – позвоните мне, а еще лучше, обратитесь к соседям. Рядом с нами живут Полянские, муж и жена, на пенсии. Они нам раньше по дому помогали, и теперь приглядеть согласились.

Татьяна пожалала плечами, но против обыкновения промолчала.

– Понятно, кто у вас в семье решения принимает – засмеялся Михаил. – Ты как, Юля? Не против пожить в тишине и на свежем воздухе? А я, пожалуй, принял бы ваше предложение. У меня от отпуска неделька осталась неиспользованная, хоть выспаться удастся.

– Вот и договорились – подвел итог Юрий. – Только запаситесь походной одеждой, если намереваетесь на прогулки ходить. Наш дом почти на краю города, обогнете низину, там по осени сыро, и вы уже в лесу.

– Ладно, я все равно туда возвращаться не собираюсь. Ну, за ваше новоселье! – подняла бокал Татьяна. – Миш, мне твоя Юля понравилась. Нет, честно! Ты когда женился, я подумала – ну, седина в бороду и все такое. Вы ведь с Юркой ровесники? Тебе уже сорок четыре или будет? А тебе, Юль?

– Двадцать восемь. – Юлия постаралась произнести эти слова как можно суше, но Татьяну оттенки настроений не интересовали.

– Да? Девчонка совсем! У тебя, Миш, дочери от первого брака сколько лет? Она институт уже закончила? Или как это сейчас называется? Нет, тебе повезло, что на Юле женился! Только, Мишка, у нее на тебя аллергия, не иначе! Откуда у молодой девчонки такая жуткая сыпь?

– Нам пора, Татьяна. До поезда осталось меньше двух часов.

Юрий встал из-за стола и подошел к Юлии:

– Все было необыкновенно вкусно. А еще я очень рад нашей встрече.

Он взял ее руку и поцеловал тонкие пальцы, покрытые красноватыми пятнами с сухими, шелушащимися краями.

Санкт-Петербург, сентябрь 1736 года

Густав Бирон резко поднялся, пламя свечей заметалось, по стене мелькнула тень. Он постоял, играя желваками на скулах.

– Ты вот что... Я на войну идти хочу. Тебя бы я з зобой для uzлужения взял, да стар ты...

– Что ты, батюшка! Али жизнь не мила?

– Я зольдат. Мое дело – война. Хватит мне во дворцах жить. Ты вот что, старик... как тебя – Федотыч? Там парень есть молодой, Прошка, что ли? Ты его мне обучи. Его з зобой возьму. Зтупай.

Старик с поклоном засеменил к двери, что-то бормоча под нос. Густав остался один. Теперь он не мог заставить себя сесть, а ходил кругами вокруг обширного стола с подсвечниками и иконой. С тоской возвращался мыслью к прошлым своим дням, и чтобы не мучиться понапрасну, старался не думать о навсегда потерянной Александре. Вспоминал, как рос на родительской мызе,⁶ как ушел из дому совсем юным, почти подростком, на военную службу. Такова выпадала доля всем младшим сыновьям в их небогатом прибалтийском краю, зажатом между сильными государствами.

Братьев Биронов было трое – старший Карл, средний – Эрнст Иоганн и младший Густав. Старший брат тоже по военной части пошел, в польских войсках до подполковника дослужился. Карла учить не стали – не сметлив, тяжелодумен. Густава кой-чему, что в жизни пригодится, дома обучили – незачем деньги даром переводить, младшему в семье одна дорога – родителей в старости досматривать, когда пора придет. А вот Эрнста отослали в университет в славном городе Кенигсберге, и хоть не сразу, одолел он непростой университетский курс. Должно быть, и покуролесил он в те годы немало, студиозусам без этого невозможно. Но и кое-что важное для себя уловить смог. После учебы попытался пристроиться при каком-нибудь дворе побогаче, приезжал в Петербург, просил места, но тогда не нашлось вакансии. Пришлось вернуться в скудную Курляндию. И тут Фортуна смилостивилась над ним. Русскую царевну,

⁶ мыза – отдельно стоящая усадьба с хозяйством, обычно в Прибалтике или под Петербургом.

Анну Иоанновну, племянницу императора, выдали замуж за курляндского герцога. Прожили они с мужем всего ничего, овдовела она, не успев и познакомиться толком со своим супругом. И потянулись годы скучного вдовства. Вот тут и пригодились все качества Эрнста Иоганна – и ученость, и светское обхождение, и красота.

Густав подошел к настенному зеркалу в тяжелой раме, пригляделся в полутьме к своему отражению. Брат Эрнст признанный красавец, всем взял: лицо узкое, длинное, аристократическое, нос орлиный, породистый. А у Густава и лицо пошире, и нос короткий, простецкий. А губы и вовсе толстоватые, не то, что у Эрнста – тонкие, изогнутые, «лук Амура».

Что только в голову не лезет! Говорят, первая ночь после похорон самая страшная. Верно говорят. Когда возвратились из Лавры, попробовал он посидеть с приглашенными за поминальным столом. Соотечественники из свиты Эрнста и сослуживцы из полка быстро перепилились, зашумели, загорланили. Со стороны не на поминки похоже было, а на веселую гвардейскую попойку. Даже прислуга взгляды укоризненные бросала, не таясь. Ушли с Александром, младшим братом покойной жены на половину Густава, посидели немного, помолчали. Говорить особо и не о чем было. Александр Меншиков вскоре домой уехал, а Густав остался один.

Он прикрыл глаза, в кресле устроившись, и поневоле в воспоминания ушел. Шесть лет с лишком минуло с того памятного утра, когда в окошко бедной мазанки постучался один из солдат, что служили под его командой:

– Кабатчик, гнилая его душонка, провизию отпускать в долг больше не желает. Говорит – отдайте за прежнее столование, тогда...

Густав, сквозь зубы понося всех, кто ему на язык попадался, поспешил в кабак. По дороге того хуже приключилось – сапог прохудился, жидкой холодной грязью на каждом шагу чавкая. Кабатчик при скрипе двери бросил пивные кружки развешивать на шесте с рогульками, и в бока короткие ручки упер. Не дожидаясь, пока он рот откроет, Густав выпалил, в лицо ему не глядя:

– Все, что положено, отдам. Сразу отдам, как только от властей содержание получу.

– Слыхали мы эти песни, господин капитан. Пока дымный да подушный налоги соберут, да мостовые, да прочие пошлины... А ваша голодная братия вчера у меня полный бочонок темного пива своровала, совсем страх потеряли! Ни корки хлеба никому из ваших панцирников впредь не отпущу, так и знайте...

Что там дальше хотел кабатчик выкрикнуть, Густав дослушивать не стал. Стрел его за грудки, через стол перегнувшись, и зашептал громко, белыми от бешенства глазами в красную налитую физиономию своего заклятого врага впившись:

– Ну, тогда не жди, что я тебя прикрою от моей солдатни, когда они с голодухи громить твое заведение примутся.

Последние слова уже едва слышно произнес, но кабатчик перепугано закивал, побледнев заметно.

– Что тут у вас, господа? – раздался негромкий, но сразу ясно – начальственный голос.

– Вот, извольте видеть, ясновельможный пан, капитан Бирон самоуправствует.

Кабатчик, вошедших увидя, сразу приободрился. Густав хватку ослабил, и тоже повернулся к дверям. Прибывших оказалось не то трое, не то четверо, но с первого взгляда куда больше глянулось. Уж больно разодеты были с роскошеством, в этом захолустье вовсе невиданном. Золоченые галуны, перья на шляпах, плащи дорогого тонкого сукна.

– Вот вас-то нам и надобно, господин Бирон... – начальствующий на Густава уставился, непонятно только, с угрозой он смотрит или просто пристально разглядывает. – Сколько вы ему задолжали, господин капитан?

– Семьдесят пять злотых – буркнул Густав, глаза опуская.

– Восемьдесят! Восемьдесят, ясновельможный пан! – с жаром кабатчик в разговор вклинился, на вошедших с надеждой глядя. – Бочонок пива, самого лучшего, умыкнули ввечеру – они, больше некому...

Один из вошедших, самый молодой, с завитыми золотистыми, как у панны на выданье, волосами до самых плеч, не выдержав, засмеялся отчего-то, да что там засмеялся – заржал, как жеребец стоялый.

Густав, окончательно взбеленясь, потянул зазубренный палаш из потерханных ножен, не в силах более сего унижения сносить. Но, к великому его изумлению, светловолосый тут же смех оборвал, и мало того – в тот же миг в поклоне изогнулся – одна нога согнута, рука к сердцу прижата, а волосьями холеными чуть ли не ботфорт свой метет.

– Скудно Речь Посполитая войска свои содержать стала... – проронил господин вельможного вида. – Сержант гвардии Щербинин, потрудитесь разочтись с сим почтенным владельцем заведения.

Светловолосый распрямился стремительно, как ивовый прут, из-под плаща объемистый кошель вынимая. На глазах у всех принялся монеты отсчитывать, да, видать, поленился продолжать – пальцами в перчатках оно несподручно выходило. Так и швырнул кошель в кабатчика, не глядя. Тот, не иначе с радости, деньги с такой ловкостью подхватил, каковая и обезьяне на ярмарке не снилась.

– Мы к вам по поручению вашего брата, Эрнста Иоганна. Велено нам доставить вас, господин Бирон, ко двору императрицы Анны Иоанновны. Желаете следовать за нами?

– В Митаву?⁷ – поразился Густав.

– Как? Вы разве ничего не слышали? – за спиной у начальствующего снова смешки послышались, на этот раз негромкие и словно бы почтительные. – В Москву, господин капитан. Ее императорское величество Анна Иоанновна к коронации готовится, не отлагая, сразу после похорон его императорского величества Петра II Алексеевича. А братец ваш, ныне обер-камергер при ее высочайшей особе, сей же час братьев своих уведомить пожелал и ко двору пригласить – и вас, и старшего, Карла. Ну так как, господин Бирон, последуете за нами?

Густав замер, поверить не в силах, а прибывшие, со старшим во главе, перед ним дружно в поклоне склонились. Так и замерли все, покуда новоявленный баловень судьбы от растерянности в себя приходил. А тот молодой, смешливый, в три погибели изогнувшись, еще и подмигнул лазерным глазом, но не насмешливо, а дружелюбно.

Тридцать лет уже исполнилось Густаву, когда предстал он перед императрицей Анной. Случилось это в тот первый раз в ее личных покоях, почти по-семейному. Милостиво и приветливо она младшего из братьев встретила, и на службу в новообразованный Измайловский полк определила, на командный пост, премьер – майором.

Перед прощаньем протянула руку для поцелуя, улыбнулась, губы растянув меж толстых щек. Взяла с золоченого столика тяжелую табакерку, бриллиантами осыпанную, подала Густаву. Сказала, что на преданность и честную службу его надеется. Он тогда подумал, что иначе и не умеет. С тем и простились.

Жизнь потекла, как полноводная река. Двор назад в Петербург вернулся, старую столицу оставив. Время быстро летело. По службе дел хватало, приходилось новый полк обустраивать. Прежде в России было два гвардейских полка – Преображенский и Семеновский. Лично государи ими всегда занимались и даже на командных постах значились. Но и сами гвардейцы свою силу чувствовали, ни одно воцарение без них не обходилось. Вот для того, чтобы свою опору в войсках иметь, и повелел Эрнст Иоганн фон Бирон свой полк образовать, из наемников ино-

⁷ Митава – ныне г. Елгава в Латвии, прежде столица герцогства Курляндского.

странных и российских. Назвали новый полк Измайловским, по русской традиции, но офицерами больше иностранцы служили, а рядовых из украинской ландмилиции набрали.

Для проживания Густаву роскошный дом определили, говорят, самый красивый в Петербурге, кроме царского дворца, конечно. Люди нарочно приезжали взглянуть на знаменитые колонны серого и черного мрамора над входом. К новому дому младший Бирон стал привыкать, хоть и ни к чему ему одному такие хоромы. Днем усердно полком занимался, по вечерам частенько во дворце бывать приходилось. Новая императрица полюбила пышные празднества – должно быть, соскучилась во время скудного Митавского житья. Однажды на одном из таких вечеров подозвала его Анна Иоанновна, пальчиком поманила к себе поближе, и проговорила негромко:

– Скоро кончится твое холостое житье! Я тебе невесту сыскала! – и захохотала, по рукаву веером его хлопнув.

Про женитьбу Густаву думать уж пора было, года у него самые подходящие. А тут еще слухи по дворцу пошли, что брат Эрнст недоволен – Елизавета Петровна, двоюродная сестра государыни,⁸ на Густава заглядывается, и он слишком много в ее слободе времени проводит. Но здесь слухи вперед бежали, нежели участвующие даже помыслить могли.

Ну, невесту, так невесту. Какова невеста, Густав даже не спрашивал. Привык же Эрнст к самой Анне Иоанновне – уж куда как не хороша! Толста, рябовата, в обхождении резка и неловка. Про жену Эрнста, Бенигну Готлибу, и вовсе речи нет. И Густав как-нибудь устроится, в огромном доме можно и не часто с супругой встречаться. Зато возьмет она на себя хлопоты с гостями – ему по чину положено дом открытый держать, а заниматься этим все недосуг.

Петербург, июнь 201... года

На следующий день Лика снова приехала на Невский. Она вошла в магазин, прошлась по залам. Веры нигде не было видно. Повесив на руку несколько вешалок с платьями и блузками, Лика направилась к примерочным кабинам. И тут ей повезло: она увидела Веру в открытой двери подсобки.

– Привет! Ты что здесь делаешь? – радость у Лики получилась вполне достоверной.

– Работаю ... – несколько озадаченно протянула Вера. – Извини, нам с покупателями нельзя разговаривать на личные темы.

– Да ладно! У тебя перерыв бывает?

– Конечно. Скоро моя очередь идти обедать.

– Классно! Давай вместе посидим где-нибудь. Я тебя приглашаю. Знаешь, я так скучаю по нашим девчонкам!

Разговор прервался – подошла еще одна покупательница. Но цель была достигнута.

Через полчаса они сидели за столиком в кафе на Малой Конюшенной улице. Теплый ветер колыхал вишневую маркизу над окном, возле которого устроились девушки. Разговор вначале не клеился. Вера отвечала односложно, скованно, похоже, жалея, что согласилась потратить свой перерыв на общение с сокурсницей, которая во время учебы ее вовсе не замечала. Но Лике удалось сломать лед. А после того, как она со слезами в голосе пожаловалась на свой скоропалительный развод, Вера слушала уже с совсем другим выражением лица. Когда Лика стала жаловаться на свои неудачи с работой, Вера и сама включилась в разговор:

– Правда, дизайнеров масса. Говорят, на бирже это едва ли не самая невостребованная профессия. Я почти все годы в университете подрабатывала, но пока смогла устроиться только простым продавцом. Но мне уже доверяют помогать оформлять витрины. А так хочется самостоятельной работы!

⁸ Будущая императрица Елизавета.

– Да, с этим проблема! – подыграла Лика. – И я еще хочу пробиться при такой конкуренции! Но жить надо, ты же понимаешь...

– А у тебя родители есть? – сочувственно поинтересовалась Вера.

– Мама есть, но у нее своя жизнь. Да на ее помощь я и не рассчитываю.

– Правильно, надежнее самой всего добиваться. Только иногда так хочется, чтобы близкие люди были!

– Подожди, у тебя, кажется, мать умерла, на третьем курсе? Я помню, тебя во время сессии на похороны отпускали.

– На четвертом, да не важно. Она давно болела, по инвалидности на пенсию вышла. Кроме нее, у меня ни единой души на свете нет...

Вера помолчала, потом грустно улыбнулась:

– Спасибо тебе, хорошо посидели. Мне идти пора.

– Да что ж у вас за перерывы такие? – негодуяще воскликнула Лика. – Мы ни о чем поболтать не успели!

– Я обещала одной девушке заменить ее на полчаса. Тогда я смогу уйти с работы раньше, а то мне на проспект Ветеранов ехать.

– Ты там живешь?

– Да, с подружкой комнату снимаем. И от метро еще порядочно добираться...

– А я еще скулю, что живу сейчас в Полюстрово! Слушай, давай ты у меня переночуешь? Я за тобой заеду. Не представляешь, как одной тоскливо.

Вера сочувственно покивала:

– Очень даже представляю. Но неловко как-то...

– Да брось ты, я уже сама с собой скоро разговаривать начну! Вечером в сквере погуляем, поболтаем, ужин на балконе накроем – в этой квартире только и хорошего, что вид из окна. И Смольный собор виден, и Исаакий, и Петропавловка. Ну, решайся! Переодеться я тебе что-нибудь дам, зубную щетку по дороге купим, а больше ничего и не нужно, верно?

Все, что было задумано на вечер, исполнилось как нельзя лучше. Поговорили обо всем: и сокурсников вспомнили, и о себе друг другу побольше рассказали. Вера дала Лике несколько ценных советов, куда можно еще отправить резюме. И тогда Лика решила: пора. Пора приступить к главному.

– Представляешь, а ведь я знаю, где сейчас нужен дизайнер. Но как раз туда я обратиться не могу!

Она откинулась на спинку складного стула, поставила на маленький круглый стол чайную чашку.

– Мой бывший, Демин, открывает новое кафе. Ресторан у него для уровня, закусовые – для денег, а это кафе... Он еще давно говорил – для души. И название заранее придумал – «Треуголка». Должно быть все такое, питерское, но не в традиционном духе, понимаешь, не в том стиле, которым туристов обычно приманивают. Теперь я понимаю, он хотел, чтобы я руку к этому проекту приложила, но тогда я еще совсем дурочка была. Знаешь, я ему даже благодарна, что так получилось, и он со мной развелся. Я теперь на все другими глазами смотрю.

– Ты правда изменилась, и прости, к лучшему... Ты мне раньше казалась такой...

– Давай не будем уточнять! – засмеялась Лика. – Ничего хорошего я о себе сказать не могу.

– А это точно, что идет работа над дизайном нового кафе? – чуть помедлив, спросила Вера.

– Конечно. Я случайно пересеклась с одним из знакомых мужа, как раз пожаловалась, что не могу работу найти. Он посмеялся – к своему бывшему, говорит, обратись, может, примет.

– А если и вправду попытаться?

– Что ты, он меня и на порог не пустит! Хотя, я, наверное, знаю, что нужно. Ему все проекты подсовывают такие... псевдоисторические, вот, а ему хочется что-то вполне современное. Мы с ним однажды были в Амстердаме, и там ему очень понравился ресторанчик, и не только кухня, но и помещение. Он тогда сказал что-то вроде: не надо лепить искусственные балки под старину, загромождать пространство лишними деталями, нужен запах старины, и все. Треуголка должна быть не пыльным реквизитом, а...

– Она должна быть такой, чтобы ее можно было носить и сейчас – помогла закончить Вера.

– Откуда ты знаешь? – поразилась Лика.

– Я не знаю, но догадываться могу. Треуголку можно представить как символ перемен, странствий, приключений... Свежего ветра! А еще это обязательно напомнит о какой-нибудь необыкновенной любовной истории.

– Удивительно... Тебе обязательно надо заняться этой работой.

– Да что ты! Вот я приду в агентство, которое занимается подбором кандидатур для проекта, и что я скажу? Здравствуйте, я в прошлом году получила диплом, но работаю продавцом, а хотела бы...

– Зачем тебе идти в агентство? Давай я тебе дам служебный телефон Демина. Только о том, что именно я тебе его дала – ни слова, иначе он с тобой и говорить не будет.

– А как я объясню, откуда у меня его номер?

– Скажи, что тебе дал его Сергей Трошин, что ты подруга его жены. Он работал администратором в «Обломoff», а недавно они уехали куда-то далеко, на ее родину... Ну, придумай что-нибудь, ведь тебе же хочется заняться «Треуголкой»! О такой работе можно только мечтать!

– Не то слово... Ладно, я подумаю, постараюсь сделать наброски, чтобы можно было показать... Какое там помещение?

– Разузнаю через знакомых и подскажу, когда Демину лучше всего звонить.

Санкт-Петербург, январь 1732 года

Густав вскорости узнал, какую невесту ему императрица сватает, и призадумался. С одной стороны поглядеть – не невеста, а мечта, греза волшебная. Молода, на тринадцать годов младше него самого. Принцесса самая что ни на есть настоящая, дочь светлейшего князя Священной Римской империи. Только подумать – он, Густав, младший из Биронов, которых и на родине низким происхождением попрекали, и дочь всесильного при прошлых царствованиях Меншикова! Попрекали зря, среди немцев в Курляндии особой разницы и не было – почти все они вместе с ливонским орденом на прибалтийские земли пришли, только потом кому как в жизни повезло. Занимаешь должность повыше – значит, знатнее, и наоборот. Вон, брата Эрнста даже пытались дворянского звания лишить, сыном конюха ославить. Фортуна куда как изменчива и к людям разными ликами своими поворачивается. И не всегда понять можно, к добру или худу сии повороты.

То, что невеста молода, это, понятно, к добру – детей родить сможет. А вот приданое огромное – это еще как посмотреть. Самому Густаву оно и вовсе ни к чему, своих доходов теперь на семью бы хватило. Но что поделать – еще прежде, чем невесту увидел, пришлось не раз с братом Эрнстом про приданое толковать. То есть говорил Эрнст, а Густав только слушал. И бумаги разные показывал, и увещевал, чтобы постарался Густав порадовать брату, дабы укрепить на троне императрицу, а с нею и всю фамилию Биронов. Густав противиться не мог, а все же не лежала у него душа к таким резонам.

Ежели верить брату Эрнсту, семья Меншиковых богатствами владела невообразимыми. Чего стоит один только «яхонт червцатай», а попросту говоря, камень рубин – «великой цены по своей великости и тяжести и цвету, которой считался токмо един в Европе» – так в доносе,

что брат показывал, означено. Этот камень Меншиков еще лет двадцать пять назад у какого-то сибирского купца купил, и тогда еще огромные деньги за него заплатил. Рубин этот прежде всего изъяли, нарочно за ним отрядив двух офицеров, еще в Петербурге, в самом начале опалы.

Но что там камень рубин, ежели князь Меншиков ежегодный доход с имений и вотчин 150000 рублей имел, а также «и других трезоров, сиречь драгоценностей, великое множество, а именно в камнях считалось на полтора миллиона рублей».

Брат Эрнст сильно сокрушался, что те, кому доверено было имущество изымать, пустыми пожитками увлеклись. Рубахи да скатерти считали, юбки да корсеты, посуду серебряную описывали, вплоть до «блюда, что брейотца», и «уринника с ручкою», сиречь ночного горшка. А вот чистых денег у князя во всех его сундуках менее ста тысяч оказалось, в рублях и, небольшой частью, «чюжеземной монетой». Суцая безделица!

Самый памятный разговор между братьями перед сговором на сватовство произошел. Вызвал средний брат Густава поздно вечером, сидели они вдвоем в небольшой зале посередине – подальше от дверей и ушей непрошенных.

Брат Эрнст даже парик снял – в жар его кинуло. Камин ярко пылал, несмотря на печи изразцовые – холодная зима в тот год приключилась. Посмотрел на младшего брата, глазами его с ног до головы смерил. Спросил:

– Говорят, ты по-русски хорошо знаешь?

Густав плечами пожал:

– В Польше боле десятка лет прожил, а польский с русским куда как схожи – не мог понять, куда брат клонит.

– Жену-то русскую тебе Анна сватает... Думаешь, зря ее с братом из ссылки чуть не сразу после коронации под светлы очи затребовала? Еще в Курляндии слухами об опале Меншикова интересовалась, да чего там, каждое слово ловила.

Меншиков покойный ей ведь не один раз дорогу переходил. До сих пор не забыла, как приходилось ей на свою вдовью долю плакаться. Дядя ее Петр, российский император, ей содержание положил для Курляндии немалое, но все через руки Меншикова шло. За каждую полушку ей кланяться униженно приходилось, все к рукам его загребушим прилипало. При мне она к Российском двору отписывала, что даже нарочитого платья не имеет, жены курляндские и то наряднее, богаче одеты.

Пуще того, сразу после, как Анна Иоанновна овдовела, пустился Данилыч, как Меншикова за глаза звали, во все тяжкие. Ни больше, ни меньше, самому герцогом Курляндским стать возжелал! Не хватало ему еще одного титула! Но тогда господь отвел. А может, русский царь притопнул за такую гордыню – говорят, он и поколачивал своего бывшего денщика, если тот особо зарывался.

И еще раз Меншиков Анне дорогу перешел. Ты тогда уж взрослым был; не доходили до польских войск слухи, что сватается к курляндской вдове Мориц Саксонский?

– Об этом много говорили. Граф Мориц к тому времени уже знаменит был. Сын короля Августа, хоть и не от законного брака рожден.

– Вот-вот, и полководец блестящий, и кровь королевская в жилах. Курляндский ландтаг за него горой встал, даже сама Анна в его сторону качнулась. Своими глазами читал, что она в письме писала: «Оной принц мне не противен»... Я уж думал, что придется мне нового места искать.

Эрнст усмехнулся, забарабанил пальцами по столу.

– Но все случилось так, как случилось. Когда-то приходилось Анне Иоанновне за курляндский трон цепляться, а теперь Курляндия для нее не боле тафтяной мушки в полной мушечнице. Нынче у нее другие заботы.

Он посерьезнел, поднял глаза:

– Ты мой брат, Густав, и всем мне обязан. На тебя только могу возложить сию тяжелую ношу.

Сына и дочь Меншиковых ко двору вернули не из жалости. В государственных делах не до евангельских добродетелей. Сто тысяч рублей в сундуках у Меншикова нашли, и это по всем имениям и дворцам вкуче. А как раз перед болезнью своей, после которой в опалу попал, взял он из казны вдвое против того. И сколь те, кому по службе полагалось, ни старались вызнать, куда сии казенные средства подевались, так и отпустили его ни с чем. В могилу он тайну свою унес. Я знающим людям, в цифири дотошным, велел прикинуть, каковы доходы у светлейшего князя были. Так сии крючки в один голос твердят, что изъятое с прибылями не сходится. До сих пор Европа слухами полнится, что за границей у светлейшего князя были денежные счета, и даже банки по именам называют, куда вклады Меншиков делал, в Венеции и в Амстердаме.

Только упорствуют банкиры, ростовщичьи души, ссылаются на то, что получить деньги назад, и с процентами, могут только законные наследники. Дескать, им должны быть известны особые знаки.

– А вдруг нет никаких денег? – с надеждой подал голос Густав. (Жениться, чтобы у супруги какие-то пароли или знаки выпытывать – ну не крючок же он из Доимочной канцелярии!)

– Верно, сии сведения неточны. В бумагах князя Меншикова об этом ничего не сказано. Но ведь его надо было знать! В нем настоящий бес стяжания сидел. Он ведь даже мелочными барышами не брезговал. На Москве сотнями скупал торговые места – лавки, харчевни, погреба, и все это в оброк отдавал мелким купцам. И оброк тот собирал сполна, уж будь покоен! В казну так деньги не выколачивались!

А самый большой доход имел Меншиков от заграничной торговли. Его агенты по всей России скупали самое что есть ценного – воск, кожи, меха, пеньку, сало – и через Архангельск и Петербург в Европу везли. А денег оттуда не поступало. Где же они?

Не вздыхай, брат. Слышишь звон – ищи колокол, сам знаешь старую поговорку. И колокол тебе надо сыскать. Трудно тебе придется. Анна говорит – ломлива больно твоя невеста, или спесива не в меру. Вместо того чтобы в ножки кланяться, да каждый день за свое освобождение со слезами благодарить, молчит и в сторону смотрит. Как будто ей во дворце горше приходится, чем в ссылке. В простом крестьянском платье, сказывают, в Березове хаживала. Я бы сам взялся у Александры Александровны повыведать батюшкины тайны, да Анна Иоанновна противится – к старости ревнива стала – скупко улыбнулся Бирон. – Придется тебе жениться. И Анна того же желает, на свои именины обручение ваше назначила. Ты невесту хоть вблизи-то видал?

Вблизи Густав Бирон увидел Александру Меншикову только на обручении. До этого пряталась она при выходах императрицы за ее широкой спиной, стояла словно в тени, глаз не поднимая. Одета была темнее и скучнее прочих фрейлин, ни с кем не говорила, ни на кого не смотрела. И не гордость на личике ее прелестном читалась, а грусть-тоска великая. Похолодел Густав, почуяв пропасть между нею – судьба Александре готовила по меньшей мере сестрой императрицы быть – и собой, вчерашним голодранцем – панцирником. Ни воспитания, ни манер – всему на ходу учиться приходилось. Для него рядом с Анной Иоанновной находиться – немислимая высота, для нее – унижение паче всякой низости.

Петербург, июнь 201... года

Лица продолжала жить, чувствуя себя не то рыболовом, не то охотником в засаде. Она даже вошла во вкус двойной жизни. Внешне она жила совершенно неприметно: ходила за покупками, вытирала пыль в своей убогой квартирке, изредка ездила на собеседования

по поводу работы, которые заканчивалась обычным обещанием перезвонить. Но, совершая эти скучные действия, она не чувствовала себя ущербной, а тем более оскорбленной, как это было в первые дни после развода. Лика начала понимать, что чувствуют шпионы-нелегалы, всю жизнь существующие по меньшей мере в двух измерениях. Одно дело ходить в супермаркет, размышляя, какой сорт йогурта выбрать, и насколько свежая куриная грудка в холодильной витрине. Совсем другое представлять при этом, что ты не просто хорошенькая девушка, пусть и не в самые удачные дни своей жизни, а сильная, умудренная опытом женщина, которая в состоянии сама управлять своей судьбой и тем более управлять другими людьми. Или манипулировать, что еще точнее.

Лика была поражена, как легко удалась ей выполнить первую часть задуманного плана. Вера позвонила Демину на работу, договорилась с ним о встрече и показала ему план дизайнера нового кафе. План Андрею понравился – еще бы не понравиться, Лика все-таки знала его не один год.

Вера тоже не сплеховала. Она считалась одной из лучших студенток на курсе, старательной и с хорошими исходными данными, ее проекты отличались вкусом и проработанностью деталей. Сразу после первой встречи с Деминим Вера позвонила, и уже по ее сдержанно-ликующему тону Лика поняла – все идет как надо. Вера продолжала работать в магазине, по вечерам дорабатывая проект дизайнера основного зала «Треуголки», регулярно встречаясь с Деминим, а чуть позже и с подрядчиком строительной компании, которого нанял Андрей.

Лика старалась часто видаться с Верой, обычно подъезжая ко времени, когда имелась возможность вместе пообедать. За эти недели Лика только один раз предложила переночевать у нее, но Вера и не рассчитывала эксплуатировать новую подругу, она и так была ей благодарна.

Появилось еще одно обстоятельство, отчего Вере стало сложнее общаться с Ликой. Когда они, поужинав, сидели на балконе, как в тот первый раз, Вера смущенно призналась:

– Я чувствую себя такой виноватой перед тобой... ты мне так помогла, а я... Понимаешь, Демин меня пригласил поужинать с ним, а потом... В общем, мы к нему поехали.

Лика выдержала небольшую паузу, а потом грустно-небрежным тоном проговорила:

– Ты ни в чем передо мной не виновата. Мы ведь уже развелись, ты же знаешь. Какие могут быть проблемы?

– А вдруг ты его еще любишь? – продолжала допытываться Вера.

– Нет, все перегорело, и у него, и у меня – практически честно ответила Лика.

Несколько дней спустя этого памятного для обеих девушек разговора Лика встретила с матерью. Ольга позвонила ей из аэропорта, предупредив, что временем не располагает, и предложила встретиться в районе метро «Московская». Лика увидела мать издали, среди будничной толпы она смотрелась весьма заметно. Они устроились в уличном кафе, сидя друг напротив друга за дощатым деревянным столом, покрытым соломенными салфетками.

– Хорошо выглядишь – одобрительно сказала Ольга. – Я боялась, что развод и переезд тебя подкосят. А ты молодец!

– Я про тебя могу сказать то же самое. Как живешь?

– Пока в подвешенном состоянии. Сейчас перебираюсь из одного полушария в другое. Но думаю, что скоро смогу определиться, где жить. Мой будущий муж уже познакомил меня со своими детьми.

– Тебе что, придется их воспитывать? – удивилась Лика.

– Бог с тобой, они почти такого же возраста, как я. Вот, посмотри.

Мать полистала снимки в галерее айфона и протянула его дочери.

– Это мы у него дома, а это на уикенд выезжали.

Лика взглянула на изображения, вежливо сказала:

– А он ничего, не противный. Сколько ему лет?

– Неважно, у иностранцев мужчины со средствами гораздо дольше похожи на мужчин, чем наши, российские. Знаешь, я жалею, что столько времени потратила на русских мужей. Когда я устроюсь, позову тебя к себе в гости.

– Мам, мы разговариваем, как в кино. Я тебя что, совсем не интересую?

– Как ты можешь так говорить?

Ольга сняла темные очки, надела их на голову поверх плотно повязанного желтого с белым платка.

– С этим перелетом и голову нет возможности помыть... ну да, у меня не все гладко.

Она провела руками с ярко-красными ногтями по загорелому лицу, словно разглаживая его.

– Знаешь, мне запомнилась одна фраза, не помню, как назывался тот фильм. Экранизация какой-то пьесы Островского. «Красавиц мало, а богатых дураков много». Так вот, сейчас красавиц много, а богатых дураков нет. Совсем.

Мать и дочь молчали, следя, как официант расставляет на их столе тарелки с заказанными блюдами.

– По всему свету одно и то же – заметила Ольга. – Крестьянская кухня правит бал. Все эти пиццы, фондю, салаты типа греческого, раньше были едой бедных людей.

– Что в этом плохого? – возразила Лика.

– Ничего, только везде одно и то же. Я, наверное, устала. Волновалась перед встречей с тобой, боялась, что ты будешь меня либо упрекать, либо просить денег.

Лика усмехнулась.

– В чем упрекать? В том, что ты уехала, оставив меня один на один с Деминым? Но он сам постарался спровадить тебя подальше. Вы друг другу не слишком понравились, даже я тогда это поняла.

– Еще бы. Мы с ним из одного поколения. Но он меня просчитал лучше, чем я его. Я все-таки не думала, что он так с тобой поступит. Иначе проконтролировала бы ситуацию, хотя бы заставила его заплатить тебе при разводе. Но я надеялась, что ты родишь, ведь тебе ничего не мешало это сделать!

– Абрамовичу жена пятерых родила, и это не помешало ему ее бросить.

– Но ведь детям он что-то оставил?

– Вот именно, «что-то». К тому же сейчас среди супербогатых пошла мода не оставлять детям наследства. Якобы для их же собственного блага.

– Демин, прости, не из супербогатых, он просто состоятельный человек. Он из обычных людей, а среди них семейные ценности еще имеют значение.

– Ничего, мам. Не все еще потеряно.

– Ты что, надеешься его вернуть?

– Ни в коем случае.

– Лика, что ты задумала? Ты изменилась! Пожалуйста, оставь все как есть. Ты молода, красива, не слушай меня, я ною. Я просто устала. У меня далеко не все так плохо. И замуж у меня есть за кого выйти, только я теперь на воду дую, обжигалась много. Хотела зацепиться в Аргентине, но не получилось. Даже начала испанский язык учить. Но так глупо вышло – представь, приревновал меня к бармену.

– Бармен с тобой испанским занимался? – не удержалась Лика.

– Ай, не надо по больному! Знаю, что сглупила. Придется соглашаться на запасной вариант, у меня есть этот неплохой старикашка, итальянец. Вот только детки у него на меня волком смотрят. Ну ничего, я смогу приладиться к ним, они все-таки европейцы, народ воспитанный, хотя бы внешне. Ты-то что делать собираешься? Продержись немного, потом сможешь приезжать ко мне, мы и тебе старичка покрепче найдем. Да что я такое говорю, ты у меня красавица! И здесь еще может быть хороший вариант!

– Мама, хватит. Я не хочу ни от кого зависеть. Ты правильно заметила, что я изменилась. С Деминым я дурой была, не отрицаю. Но ни своих, ни твоих ошибок я повторять не буду.

– Лика, ты не собираешься как-нибудь на Демина давить? Шантажировать или что-нибудь еще? Не вздумай! Это сейчас он белый и пушистый, уважаемый и законопослушный. А по молодости наверняка рядом с криминалом ходил, все, кто в девяностые бизнесом заниматься начинали, через это прошли. Тогда слабые не выживали, я знаю, что говорю. Я не раз была замужем за российскими бизнесменами, изнутри видела, как тогда дела велись.

– Мама, весь твой опыт и твои советы даже не из прошлого века, они из прошлого тысячелетия! Сейчас надо выходить замуж за богатого, только если у тебя самой есть деньги. И тогда, в случае чего, можно претендовать на крупную долю в состоянии. Время Золушек миновало. А принцев, или, как ты говоришь, богатых дураков, не осталось. Должно быть, в девяностые вымерли. Как мамонты.

– Лика, я неслась к тебе, чуть ли не сутки в перелетах, и еще лететь предстоит. А ты меня отчитываешь, как школьницу. Ты у меня единственная дочь, я о тебе не перестаю беспокоиться. Прошу тебя, не наделай глупостей. У тебя еще есть, на что жить? В крайнем случае, у нас с тобой еще квартира в Ленобласти. Это, конечно, смешные деньги, но можно ее продать, если я выйду замуж за своего старичка.

– Вот именно, «если». Он, случайно, не в инвалидной коляске передвигается? А вдруг помрет еще до свадьбы?

– Оставь свой сарказм! Со временем не исключено, что коляску буду возить, и ничего в этом плохого нет. Даже удобно – муж всегда на глазах, никуда не денется.

Ольга простилась с дочерью, расцеловав ее, и уехала в аэропорт со смутным ощущением того, что они поговорили, как будто не слыша друг друга.

Санкт-Петербург, февраль 1732 года

В день именин императрицы в «Ведомостях» извещено было: «Обручен при дворе майор лейб-гвардии Измайловского полку Густав фон Бирон с принцессой Меншиковой. Обоим обрученным оказана притом от Ее Императорского Величества сия высокая милость, что ее Императорское Величество их перстни Высочайшею особою сама разменять изволила».

Так и было, как газетиры пропечатали. Только не написали, как невеста бледна смотрелась, так что Анна Иоанновна заметить изволили, дескать, «румяна надобно употребить». Не написали, как стояла Александра, уронив руки и глядя не на жениха, а куда-то в пол под его сапогами. Не написали, как вздрогнул Густав фон Бирон, когда брал нареченную за руку, а пуще того, как встретился он с невестой глазами. Столько тоски в ее черных глазах было, что никакие газеты об этом поведать не смогут.

Обменялись кольцами при всем дворе, музыка грянула, но возгласы величальные еще громче слышались. Невесту Анна Иоанновна по-матерински обняла, на ушко что-то шепнув, а жениха изволила ласково по щеке потрепать. За ужином императрица весела сделалась, ни одной здравицы не пропускала, все перемены вин откушала. Сидела она между женихом и невестой, по правую руку жениха обер-камергер Эрнст Иоганн фон Бирон помещался, рядом с невестой брат ее младший, Александр.

Раскраснелась Анна Иоанновна, веер подать приказала. Обмахиваясь страусиными перьями, в воспоминания пустилась, к Александре повернувшись:

– Моя-то свадьба с Фридрихом Вильгельмом у твоего батюшки во дворце игралась! Давненько уж это случилось, ты, должно быть, и на свет не появилась. У светлейшего князя Меншикова лучшие кухни, лучшие погреба, лучшие залы во всем Петербурге имелись. У дяди моего, Петра Алексеича, и близко таких хором не бывало. Тот любил покои низенькие, теплые, без лишнего свету и блеску. Это ему смолоду еще так полюбилось. Мне сказывали, когда в Париж он наведывался, к регенту тогдашнему, под жительство ему старый королевский дворец

определили – Лувр, кажись. Так дядюшка токмо половину часа там пробыл и ретировался – зело огромен и неприютен тот дворец. Давит громада каменная, сказывал.

Оттого для себя строенья приказывал делать небольшие, померные, и чтоб не боле двух этажей. А вот батюшку твоего, Александра, всяко понуждал дворцы строить, и отделявать их как можно великолепнее. Так что зря люди говорят, что светлейший князь Меншиков гордостью непомерной возносился. Батюшка твой токмо приказы своего государя исполнял. Знаешь историю со шпалерами? Коли не знаешь, слушай. Петр Алексеич однажды, у батюшки твоего сживая, приметил, что шпалеры на стенах зело дурны и дешевы. Осерчал – где прежние, на лионской мануфактуре заказанные? Батюшка твой оправдывался, дескать, ты сам, мейне камарад, на меня начеты за поставки наложил, и дабы с казной раздолжаться, пришлось из дому имущество продавать. Петр Алексеич еще пуше гневаться изволил: ты и начеты верни, и перед иностранными послами и именитыми гостями меня позорить не смей! Где их еще принимать, как не у тебя в дому?

Свадьба моя роскошная была! А пуше всего гости веселились, когда перед ними из разрезанного пирога две карлицы выскочили, по последней моде наряженные, и танец менувет прямо на столе сплясали. Потом прочие карлы с карлицами в залу набежали, числом невиданным – по всей стране их нарочно разыскали и ко двору батюшки твоего свезли. Для них и мебель, и посуду смастерили, посередине расставили, и пировали они прямо как настоящие люди! А как подпили крепких вин, то-то насмешили гостей!

Анна Иоанновна, довольная рассказом, оглядела своих соседей по столу.

– Вы чего скучные, как на поминках сидите? Ладно, невесте невместно сильно веселиться, примета дурная, но ты-то чего? – толкнула она локтем Густава. – Эрнст! – по-немецки, худо выговаривая слова, крикнула она своему обер-камергеру. – Скажи своему братцу, что я ему веселиться велю!

Потом перешли в залу для танцевания, невесту с женихом рядом с собой императрица оставить изволила. Стояли они по бокам от ее кресла, на гостей смотрели. Под утро свечи трещать от духоты начали. Анна Иоанновна платком махнула, встала, на руки Густава и Александры опираясь, подвела их к высокому окну с частыми переплетами. Раздался грохот, и в темном небе закрутились, шипя и искры разбрасывая, огненные шутихи. Сначала огромная буква «А» высветилась, фиалкового цвета, а за нею две поменьше – белая и зеленая, с инициалами обрученных. Гости в окнах сбились, русские горланили, иностранцы в ладошки хлопали. Потом долго еще ракеты пускали, всех цветов, но на том праздник закончился.

Петербург, июль 201... года

Лица еще более укрепились в своем намерении продолжить воплощение составленного плана. В тот же день она встретила с Верой. К вечеру небо затянуло облаками, пошел мелкий дождь. Девушки медленно шли под крытыми галереями Гостиного двора, когда Вера одновременно смущенно и радостно сказала:

– Знаешь, Андрей приглашает меня съездить отдохнуть с ним на недельку.

– Куда, если не секрет?

– У него есть друг, который имеет права на вождение яхты, и он собирается арендовать небольшое судно где-то на греческих островах. Там две каюты, вот они с женой и пригласили нас... – Вера осеклась, произнесла это вырвавшееся «нас», испуганно посмотрев на Лику.

– Поезжай, это, должно быть здорово. Стасовы предложили, да? Нас тоже приглашали, только мне тогда больше нравилось в крупных отелях останавливаться. А на яхте должно быть хорошо, тишина, море, можно швартоваться у разных островов, выходить прогуляться, осмотреться.

– Ты так спокойно к этому отнеслась, а я боялась...

– Я же тебе говорила, что с Деминым у меня все, продолжения не следует. Могу даже выдать тебе один его секрет – он боится летать. Скрывает, но боится ужасно, начинает принимать успокоительное еще за сутки до полета.

– Никогда бы не подумала! А это серьезно?

– Да нет, ты лучше предложи ему немного выпить перед самой посадкой. Скажи, что тебе страшно. Думаю, ему будет приятно опекать тебя, а не дрожать самому.

– Не знаю, как и благодарить тебя!

Десять дней спустя девушки снова встретились. Загорелая и оживленная Вера сочувственно поглядывала на скучную Лику, которая вполне сознательно натянула на себя трикотажное платье, испорченное неудачной стиркой.

– Рада за тебя – тихо произнесла Лика, меланхолично помешивала в чашке остывающий кофе.

– Прости, я все о себе да о себе. Ты-то как, что с работой?

– Да пока никак – сказала Лика чистую правду. – Лето – не лучшее время для поисков работы, все, кто принимает решения, в отпусках.

– Да... – протянула Вера. – А через считанные недели хлынет очередная партия соискателей – закончились выпускные экзамены и новая партия дипломированных дизайнеров начнет обивать пороги. Сама была в таком положении, вот и пошла работать в магазин. Чем я могу тебе помочь? – участливо протянула она руку, дотрагиваясь до Лики.

– Чем же ты мне можешь помочь? У самой зарплата, наверное, кот наплакал – подняла Лика скорбные глаза.

– Это верно! – улыбнулась Вера. – Но... понимаешь, перед поездкой Андрей дал мне денег на наряды для отдыха, а я потратила совсем немного. Мне девочки в нашем магазине оформили при продаже все скидки, которые только были возможны. Я на остаток хотела ему подарок купить, но... Я себя такой виноватой чувствую перед тобой, ты не представляешь!

– Да перестань ты! Я тебе все верну, как только начну работать.

– Вот, возьми, они у меня с собой...

И, глядя как Лика прячет в свою сумку стопочку купюр, Вера поделилась еще одной новостью:

– Знаешь, Андрей предлагает мне переехать к нему... Как ты к этому отнесешься? – она смотрела на Лику с робостью и надеждой.

– Ну, сколько тебе повторять! Мы с Деминым чужие люди. Ты тоже взрослый человек и имеешь право распоряжаться своей жизнью так, как считаешь нужным, разве нет? Если тебе нужны какие-то условия с моей стороны, то пожалуйста: никогда ни при каких обстоятельствах не упоминай моего имени. Мы с тобой просто учились на одном курсе и практически не пересекались.

– Так и есть...

– Да, но никто не должен знать, что мы с тобой сблизились в последнее время. Будь уверена, что Демин не придет в восторг, узнав, что мы встречаемся.

Лика могла позволить себе отпраздновать небольшую победу. Деньги у нее оставались и до того, как она получила приличную сумму от Веры. В последнее время тихая, незаметная жизнь, которую она вела, принесла ей даже два ощутимых плюса – сознание своего умения влиять на чужую жизнь и реальную экономию средств. Деньги с карты, оставленной ей Деминым, перестали улетать с катастрофической быстротой. Лика поняла, что имел в виду бывший муж, когда намекал, что полгода она сможет прожить гораздо обеспеченнее, чем среднестатистический россиянин. Она обнаружила, что продукты из ближайшего супермаркета не слишком отличаются по качеству от тех, которые продаются в дорогих магазинах, если внимательно их выбирать, и вспомнила кое-какие из простеньких блюд, которые готовила еще в школе.

Мало того, она даже познакомилась с хозяйкой, сдавшей Демину эту квартиру, когда та наведальась снять показания счетчиков. Лика испытывала настоящее удовольствие, когда намеками заставила добродушную тетку представить и поверить, что господин, снявший на полгода квартиру для молоденькой девушки – подлый соблазнитель, который воспользовался неопытностью девчонки из Ленобласти, и теперь не появляется. Хозяйка прониклась горячим сочувствием к Лике, и даже пообещала снизить плату за квартиру, когда закончатся полгода, оплаченные «соблазнителем».

– Я сразу поняла, что ты девочка хорошая. И соседи в один голос говорят – мужиков к себе не водит, музыку громко не включает, в лифте здоровается, одевается прилично. Родители у тебя есть? Только мать? Не помогает? У самой проблемы? Пьющая, наверное... А тот козел, даром что на вид представительный, потом локти кусать себе будет, что такую милую девочку бросил.

С этим Лика была полностью согласна. А паспортные данные только подтвердят правоту выводов хозяйки – в новом паспорте, выданном после развода, даже фамилия уже не связывала ее с бывшим мужем. Жизнь словно начиналась с белого листа. И теперь Лике это нравилось.

Петрорецк, ноябрь 201... года

Вернувшись вместе с Хьюго в дом Полтавцевых, Юлия занялась устройством на новом месте. Они приехали сюда с Михаилом три дня назад, согласившись на предложение Юрия, хозяина дома. Приехав, они обошли дом, оба этажа. Он оказался невелик – внизу просторная кухня-столовая, через коридор – гостиная. Из нее наверх вела узкая, довольно крутая лестница. На втором этаже располагались супружеская спальня, комната сына и кабинет хозяина. На Юлию дом произвел странное впечатление: обжитыми и имеющими собственное лицо выглядели только те помещения, в которых обитали мужчины. Спальня, гостиная и кухня оставляли ощущение не то мебельного магазина, не то гостиницы.

Михаил, ставя чемодан и дорожную сумку на ковер в спальне, усмехнулся:

– Для одного из отцов города домик довольно скромный! Верно говорят, что Юрка – единственный честный мент у нас в стране. Зато преступность в Петрорецке самая низкая в Ленобласти.

В тот день супруги Асташины успели немало: познакомилась с симпатичными соседями, Полянскими, которые в отсутствие хозяев присматривали за домом, узнали, где находятся магазины и куда можно выйти прогуляться, если позволит погода. За покупками сразу идти не было надобности, Юлия все содержимое своего холодильника прихватила с собой. Вечер прошел в блаженном ничегонеделании. Михаил рано улегся спать, а Юлия долго читала при свете прикроватного светильника. В кабинете хозяина обнаружили несколько довольно неожиданных для этого дома книг. Это были иллюстрированные альбомы по искусству – Русский музей, Музей имени Пушкина, Третьяковская галерея, и даже несколько специальных изданий, посвященных старинной русской живописи, преимущественно иконописной. Юлия с трудом могла представить себе Татьяну, жену хозяина, увлекающейся на досуге разбором отличий икон новгородского письма от работ Палехской школы. Но и самого Юрия Полтавцева сложно было заподозрить в подобном хобби. Его увлечения легко определялись по содержимому шкафов в его кабинете. Михаил долго переходил от одного к другому, восторженно ахая:

– Ну, Юрка! Понятно, почему никуда не хотел уезжать! Ты только посмотри, какие у него тут сокровища!

Юлия никаких сокровищ не заметила. Просторные шкафы с застекленными дверцами, покрывающие все стены кабинета, оказались забиты какими-то малопонятными предметами. Из прочей мебели здесь имелись только письменный стол с компьютером, и мягкий кожаный

диван, стоящий несколько наискось, у стены, и над ним навесной стеллаж, где и обнаружили те самые художественные альбомы.

– Нет, ты не понимаешь! Тут просто высший пилотаж! С такими снастями можно на любую рыбалку отправиться, хоть в любую часть света! И как все скомпоновано, подобрано, расставлено! Похоже, здесь он и проводил все свободное время. Ну, и на рыбалке, конечно. Что и не удивительно с такой заполошной супружницей – подмигнул Михаил.

На следующее утро он еще блаженно валялся в постели, когда раздался звонок его мобильного. Михаил слушал, недовольно морщась, время от времени пытаясь возразить невидимому собеседнику. Потом откинул одеяло, встал, дослушал, уже кивая, и со вздохом отключил связь.

– В кои веки собрался расслабиться! Отзывают... Придется лететь в дальневосточный филиал, помнишь, я тебе рассказывал, там заморочки с офисным зданием. Было уже два суда, они вынесли противоположные решения, и все застряло. Начальство приказывает мне самому на месте разобраться. А как с тобой быть? Не побоишься здесь одна оставаться?

– Чего мне бояться? Тут такая тишина. Погуляю, в интернете посижу. Мне не хочется сейчас обратно в Питер. И машину забирай, она мне не пригодится.

Случилось это в тот день, когда Юлия обнаружила на пороге мокрого Хьюго. Как он пролез под воротами – загадка, но еще более интригующей оказалась их совместная со спанием находка следующим утром. Как могла оказаться туфля от Джимми Чу в грязной колее, вдали от дороги? И почему пес так странно вел себя?

Юлия открыла ноутбук, набрала название породы, стала просматривать электронные страницы. Нигде не встречалось описание такой стойки, в которой замер спанием перед злощастной туфлей.

Зато на страницах, описывающих поведение служебных собак, нашлось то, что еще больше озадачило Юлию. Под фотографией, запечатлевшей восточно-европейскую овчарку, застывшую расставив лапы и наклонив низко голову, она прочла подпись: «Реакция собаки на присутствие мертвого тела (трупа)».

Этого еще не хватало! Юлия повернулась к Хьюго, как будто он мог что-нибудь разъяснить. Но пес спал, явственно похрапывая. Надо что-то предпринять, а к кому обратиться, Юлия не знала. Был бы здесь сам Полтавцев! Его номер телефона остался у Михаила, хотя это не проблема. Можно узнать у тех же Полянских, но почему-то Юлия испытывала странное стеснение при мысли, что придется общаться с хозяином дома. Она не могла забыть, как Юрий прикоснулся губами к ее пальцам, и слегка сжал ладонь, выпуская ее.

Юлия наскоро оделась и вышла из дома, направившись в тот же продуктовый магазин, который по всем приметам служил по совместительству местным информационным центром.

Ее встретили, как старую знакомую.

– Милости просим! Что у вас новенького, что надо?

Юлия наскоро объяснила, отчего найденная утром туфля не дает ей покоя. Эту информацию продавщица выслушала с интересом, но без излишнего ажиотажа.

– Да ну, откуда тут трупы... Там, в лесу, часто пикники летом устраивают, и местные, и из Питера приезжают. Когда долго дождей нет, проехать на машине можно, а вот сейчас только пешком.

– Наверное, летом были, и теперь захотели, да забуксовали и назад повернули.

– В туфлях поехали? – с упреком спросила продавщица из овощного отдела.

– Чего по пьянке не случается? Веселились где-нибудь, да решили проветриться.

Только девушка из кондитерского отдела отнеслась к услышанному более серьезно.

– Если хотите, к местному участковому обратиться можно. Я его телефон вам сейчас дам, мы с его женой в одном классе учились.

Участковый оказался молодым, тощеньким, подвижным, с заметно оттопыренными ушами. Он недоверчиво выслушал Юлию, покачал головой.

– У нас никто не пропал, никаких ориентировок не поступало. Ладно, посмотрим, если покажете.

Вдвоем они пробрались вглубь заболоченной низины. Участковый несколько раз чертыхнулся, попадая ботинками в глубокие промоины, полные заледеневшей грязи.

– И занесло же вас сюда...

Юлия чувствовала себя виноватой во всем – и за то, что на ней были надежные резиновые сапоги, и за то, что выдернула человека из теплой каморки позади какой-то конторы, служащей кабинетом участковому.

Колея прервалась. Вот здесь машина пробуксовывала, пытаясь выехать из грязи. Вот тут ей удалось вернуться назад к дороге по своим собственным следам.

– И где та туфля? – озвучил участковый тот же вопрос, что не давал покоя самой Юлии.

Туфли не было. Вдвоем они еще раз обошли место, где едва не застряла машина.

– На внедорожник похоже, другой бы тут намертво завяз, и колея широкая – заметил участковый. – А туфли, извините, нет!

Он повернулся и пошел обратно, и даже его тощая спина выражала недовольство. Юлия еще немного постояла, найдя глазами свои собственные утренние следы и отпечатки лап Хьюго. Их уже слегка припорошило снегом. Туфли действительно не было.

По дороге домой она проходила мимо магазина. На пороге стояли и курили две продавщицы постарше, из собачьего и овощного отделов. Юлия не могла их миновать.

– Ну, что? Ложная тревога? – спросила одна из них, выпуская из густо накрашенных губ струю дыма, непрозрачную на холоде.

– Похоже, да... – неохотно ответила Юлия. – Но я не могла ошибиться!

– Не бери в голову – посоветовала другая продавщица. – Лучше скажи, ты Татьяне Полтавцевой не родня?

– Нет, мой муж учился вместе с Юрием Дмитриевичем – решила прояснить ситуацию Юлия.

– А, тогда понятно. Мы тут голову сломали, кем ты ему доводишься – переглянулись собеседницы Юлии. – Думали, может, Дмитрич наконец-то завел себе молодую да симпатичную. У нас тут Таньку, жену его, терпеть не могут. Язва, не баба! В каждой бочке затычка!

– И такого мужика отхватила! Как он с ней живет – уму непостижимо. Хотел бы – любую закадрил. Теперь еще и в Москву увез, сокровище такое. Ей бы в горн дудеть, да в барабан бить – и все ее таланты.

– Почему в горн? – не поняла Юлия.

Продавщицы дружно рассмеялись.

– Она как была пионервожатая, так на всю жизнь и осталась. У нее и мать, и бабка из партийных, в горнопромышленности работали. А Танька в администрации, что-то там по делам молодежи, отчеты строчила. И не выгонишь ведь ее – когда ни ткнишь, все на работе сидит.

– Прилепилась к Полтавцеву как банный лист. Он, когда его эта Панова бросила, весь аж черный ходил. Была у него в юности любовь, фифа местная. И знала ведь, что Юрка за ней убивается, и все равно выскочила замуж за одного богатенького. Так эта малявка, Танька, – учились они вместе, – быстренько от Полтавцева забеременела, и в дамки. Хорошо, хоть сын в него пошел.

– Погоди, а ведь я Панову сегодня видела! Точно, она! Такая вся холеная, стройненькая, как молоденькая. Откуда взялась? Сто лет на родине не показывалась. Туман густой, но уже развиднелось, она тут недалеко шла. Курточка на ней такая, темненькая, и сапожки на низком ходу.

– Что, даже без каблучков? Она ж на них и спит, наверное...

Юлия постаралась незаметно улизнуть, оставив подружек перебивать косточки неведомой Пановой.

Хьюго встретил новую хозяйку с поистине щенячьим восторгом. Юлия занялась делами по дому, но из головы у нее не шли сведения, ненароком полученные от представительниц местного информбюро. Если исключить некоторую предвзятость, история семьи Полтавцевых имела шансы оказаться вполне достоверной. Очень уж не подходили друг другу эти двое. Несчастливая любовь в молодости многое объясняет, это Юлия хорошо понимала.

И снова она почувствовала, как Полтавцев прикасается губами к ее пальцам. Она посмотрела на свои руки, и вздрогнула. Сколько она уже не принимает лекарств? С тех пор, как они с мужем сюда приехали, только один раз она открывала небольшую сумку, полную мазей, таблеток и гранул. Но пятна на руках ее, против всякого ожидания, заметно побледнели, а главное, она уже давно не ощущала изнуряющего зуда и жжения. Юлия рывком задрала на себе пуловер и мягкую хлопковую майку под ним, расстегнула замок на джинсах. Пятна и сыпь на животе и бедрах стали едва заметны, и даже при касании не беспокоили.

Юлия стояла, не веря своим глазам. Что за чудеса? Она даже засмеялась, потрепав удивленно поднявшего голову Хьюго по шелковистым ушкам.

– Надо это отпраздновать, рыженький!

Остаток короткого дня она провела, напевая и раскладывая свои вещи в хозяйской спальне. Но когда она закончила, ей захотелось оттуда уйти. Подхватив подушку и одеяло, она перебралась в кабинет Юрия и постелила себе на диване.

– Вот это будет правильно – сказала она то ли себе, то следующему за ней по пятам Хьюго – Здесь лучше всего.

В кабинете почти всю стену занимало высокое окно, или, скорее, дверь – такие окна почти до самого пола Юлия видела во Франции. Она подошла, выглянула наружу. Окно-дверь выходило на какую-то плоскую крышу, скорее всего под ней располагалась крыша гаража. Должно быть, летом тут получалось разместиться как на террасе. Сейчас же поверхность была слегка присыпана легкой изморозью.

Юлия еще раз осмотрелась. Рядом с диваном в шкафу она заметила еще одну коллекцию, значительно уступающую в размерах рыболовной, но не менее впечатляющую. За стеклом лежали разные виды оружия: устрашающего вида ножи в жестких кожаных ножнах ручной работы, целый набор маленьких ножичков для метания, даже жутких размеров рогатка из металла и резины. Юлия боязливо потрогала некоторые из этих мужских игрушек, но заставить себя прикоснуться к пистолетам (или револьверам, она не знала, как они правильно называются), не смогла. Их было три, два угольно-черных, один светлый, блестящий. Немного удивившись их доступности – у дяди-охотника оружие хранилось в специальном сейфе – Юлия объяснила все должностью, которую занимал хозяин дома.

Юлия легла в приготовленную постель, взяла полистать один из альбомов, но вскоре отложила его в сторону, выключив свет. Вспомнились разговоры, которые при ней вели собирательницы и хранительницы местных преданий из продуктового магазина. В чем-то похожая история случилась и с ней самой. Юлия несколько лет была отчаянно влюблена в одного молодого человека. Они встречались, расставались, ссорились и мирились много раз, пока он не сделал окончательный выбор в пользу другой девушки. Юлия тяжело переживала разрыв, и не один год не могла прийти в себя. Внешне ее жизнь казалась вполне благополучной – она окончила университет, получила диплом экономиста, устроилась на работу в банк. Работа, как и учеба, сильно не занимали ее. В школе Юлия мечтала поступить на искусствоведческий, но родители отговорили ее, приведя разумные доводы в пользу экономического образования. Она и сама понимала, что сейчас гуманитариям гораздо труднее устраиваться в жизни.

На работе они и познакомились с Михаилом Асташиным. Он уже был к тому времени разведен, занимал ту же должность, что и сейчас, и считался завидным женихом. Со свадьбой

они оба не торопились, но он сумел понравиться Юлиным родителям, и, в конце концов, они поженились. Тогда же у Юлии начались проблемы с кожей. Она не раз обращалась в разные клиники, к хорошим специалистам, ей ставили разные диагнозы, но болезнь только прогрессировала. Михаил сам настоял, чтобы она ушла с работы. Их обоих устраивало то, что Юлия проводила почти все время в четырех стенах. Михаилу нравилось, что жена каждый вечер встречает его за накрытым к ужину столом, и он никогда не упрекал ее за то, что из-за кожной болезни их интимная жизнь плавно сошла на нет. Юлия не могла не замечать, что муж пользуется всяким удобным случаем съездить в командировку, но и сама старалась не признаваться себе, что в его отсутствие она не испытывает ничего, кроме облегчения.

Юлия повернулась на диване и почувствовала под рукой что-то кудряво-шерстистое. Это Хьюго незаметно пробрался к ней на постель и спал рядом, посапывая, как человек. В кабинете стало светло – небо очистилось от густых предзимних облаков, и все уголки комнаты залило ярким светом полной луны. Юлия уткнулась в спинку дивана и незаметно задремала.

Она проснулась, как будто ее толкнули. Села на диване, разбудив этим движением Хьюго. Спаниель напрягся и негромко зарычал, повернувшись в сторону окна. Юлия подняла глаза и в серебристо-голубоватом лунном свете увидела высокий мужской силуэт.

Кто-то стоял на крыше гаража, дотрагиваясь рукой до рамы высокого окна. Луна светила ему в спину, оставляя лицо в глубокой тени. Хьюго спрыгнул с дивана, бросился к окну, и залился басовитым лаем. Юлия подсознательно ожидала, что человек, стоящий снаружи, испугается шума, поднятого собакой, и бросится бежать. Но он продолжал стоять, все так же почти прижимаясь лицом к оконному стеклу. Пес рвался и продолжал лаять, подрагивая кудрявой шкуркой, блестящей в лунном свете.

Человек за окном наконец зашевелился, потом словно нехотя повернулся и спрыгнул с крыши гаража, уйдя в густую тень. Собака продолжала надрывно лаять, когда Юлия, вскочив с дивана, подбежала к окну. Она успела заметить, как человек легко перемахнул через невысокую ограду, отделяющую домовладение Полянских, пересек их двор и точно так же, без всякого усилия, оказался за оградой соседей со стороны улицы.

Только сейчас Юлия почувствовала, что у нее дрожат руки и трясутся колени. Она схватила мобильный телефон, потом включила свет. Мгновение спустя снова его выключила, подбежав на непослушных ногах к окну. В лунном свете на крыше гаража четко виднелись темные следы, отпечатавшиеся на покрытой инеем поверхности. Снова включила лампу, зачем-то забилась на диван, натянув на себя одеяло.

Хьюго сидел на полу с довольным видом. Он еще тяжело дышал, высунув язык и словно улыбаясь испугу своей новой хозяйки.

– Чему ты радуешься? – дрожащим голосом спросила Юлия. – Что мне делать, скажи на милость? Звонить в полицию, бежать к соседям?

Пес забрался на диван и устроился рядом с хозяйкой, всем своим видом показывая удовлетворение от сознания выполненного долга. Юлия так и не решилась никуда звонить, представив, что она сейчас будет объяснять дежурному, что в конце концов подъедет какой-нибудь полицейский наряд, как в тихий дом войдут среди ночи незнакомые люди. Она посмотрела на время – пятый час утра. Уснуть не удастся, это очевидно. Собака рядом, даст знать, если снова появится этот неизвестный. А утром можно будет обратиться и в полицию, и к соседям – доказательства ночного визита налицо. Следы на крыше, четкие и ясные, не дадут повода для сомнений.

Она подняла голову с подушки – Хьюго сидел на полу и нетерпеливо поскуливал. Ах, да, его же надо вести выгуливать... Юлия, сонная и вялая, кое-как оделась и спустилась вместе

с собакой во двор. Там, под ярким утренним солнцем, она окончательно проснулась, и, вспомнив о ночном происшествии, направилась к соседям.

Полянский, крепкий пожилой дядька с обветренным лицом, стоял во дворе своего дома, поправляя кусты ежевики над глухой кирпичной стеной.

– Погодка-то сегодня какая, красота! – радостно приветствовал он Юлию.

Она не сразу нашлась, что ответить.

– Сегодня ночью вы ничего не слышали? Ближе к утру?

У Полянского вытянулось лицо.

– Нет, а что-нибудь случилось?

Юлия вкратце пересказала ночное происшествие. Сосед слушал с недоверчивым видом, потом покачал головой:

– Нет, ничего не слышал... Рая! – обернулся он. – Ты ничего ночью не слышала?

Жена Полянского приоткрыла дверь застекленного тамбура и выглянула наружу.

– Доброго утречка! – она вышла за порог с веником в руках, спина у нее была обмотана теплым шерстяным платком. – Нет, я полночи не спала, поясницу у меня разломало. Тихо кругом, луна такая, как днем светло. Вот собачка ваша, да, гавкала, а так тихо было.

– Ну да, Хьюго на этого человека и лаял! – уже без особого настроения пыталась настаивать на своем Юлия.

– И куда он потом делся, покажите?

Юлия показала рукой:

– Вот, он спрыгнул с крыши гаража, потом прошел через весь ваш двор, потом перемахнул через ограду.

Полянский покачал головой:

– Мы на ночь всегда нашу собаку отпускаем, а днем она на цепи за домом. Собачка у нас серьезная, чужих никого не пропустит. Полтавцевы собаку и не держали оттого, что наша на два двора служила.

– Они ее и кормили в основном – добавила жена соседа. – У них со стола много чего собаке перепало.

– Там, на крыше гаража, следы остались! – предъявила Юлия последний аргумент.

Соседи переглянулись.

– Что ж, посмотреть можно... – с сомнением в голосе произнес Полянский.

Вдвоем с Юлией они пошли в дом Полтавцевых. По дороге сосед посерьезнел.

– Надо глянуть, надо... Должность у Юрия Дмитриевича серьезная, и враги у него могут быть, и насчет имущества могли поинтересоваться... На предмет ценностей... Так-то он никогда на этот счет не волновался, даже сигнализацию не установил. Говорил: «Да кто ко мне полезет?»

Они вошли в кабинет. Юлия указала на окно:

– Вон там, на крыше гаража!

Они подошли к окну и одновременно посмотрели наружу.

На блестящей темной поверхности всеми цветами радуги переливались блестящие капельки воды. Яркое утреннее солнце без остатка уничтожило следы ночного происшествия.

Юлия едва не застонала от разочарования:

– Надо было на мобильник снять!..

– Ну, как же, надо, надо... – сочувственно закивал Полянский, – бывает... А может, вы кому приглянулись, а? Муж в командировке, дело молодое... У нас тут быстро все схватывают.

Юлия готова была провалиться сквозь землю.

Петербург, июль 201... года

Однажды Лика собралась прокатиться на прогулочном теплоходе по петербургским каналам. Она в последнее время так прочно вошла в роль юного прелестного создания, не искушенного в житейских тяготах, что стала находить удовольствие в прогулках по городу. Оказалось, что за шесть лет, проведенных в Петербурге, она не удосужилась познакомиться с местами, ради которых приезжает такая масса народу. До этого она знала только несколько достопримечательностей, не считая тусовочных заведений, университета, ресторанов и окрестностей бывшей их с мужем квартиры. Ну, и магазинов, конечно.

Лика готовилась спуститься по трапу на прогулочное суденышко, когда услышала знакомый голос:

– Анжелка, привет! Ты что тут делаешь?

Так обратиться к Лике мог только Никита Михайленко, бывший однокурсник и довольно близкий друг, хотя и в прошлом.

– Прокатиться собираюсь. А что? – Лика пока не могла решить, стоит ли возобновлять знакомство с Никитой. Но она успела забыть, что в таких случаях он решал сам, и отвертеться не представлялось возможным. При желании или необходимости Никита проявлял бульдожью хватку.

– Говорили мне, что ты изменилась после развода со своим папиком, но чтобы настолько! На экскурсии едешь!

– Молодой человек, не задерживайте посадку, вы заходите или нет? – поторопил Никиту мужик в тельняшке, стоящий с канатом в руках.

Никита в два шага одолел трап и, взяв Лику под локоть, протащил к самой последней скамейке, по дороге прихватив пару клетчатых пледов. Лика оценила это чуть позже, когда катер двинулся и поднялся свежий ветер. Народу в будний день на судне собралось мало, все уселись поближе к экскурсоводу, поэтому их разговору с Никитой никто не мешал.

– А ты что здесь делаешь? – в свою очередь поинтересовалась Лика. – И не называй меня Анжелой.

– Теперь на катере катаюсь, Анжелика. – Никита рассмеялся, игнорируя недовольную мину, проступившую на лице Лики. Сердиться на него было невозможно, и Лика спросила:

– Чем занимаешься? Вообще?

– Догадайся с седьмого раза! А можно и с первого – продаю. Сейчас реально существует только два занятия – продавать товары и продавать услуги. Пока товары, а потом видно будет. У меня небольшой интернет-магазин.

– И как? Успешно?

– Прикидываешь, стоит ли меня рассматривать в качестве потенциального супруга? Пока не стоит. А в остальном я всегда готов, как юный скаут. Ты же у нас теперь соломенная вдова?

Слушая обычный Никиткин треп, Лика решала, нужно ли посвящать Никиту в свои планы. По всему получалось, что раскрывать свои карты означало делать опрометчивый шаг. Но пригодиться он мог, поскольку могли возникнуть непредвиденные сложности. Ликина мама зря волновалась, считая, что дочь может выскочить за Никиту замуж. Даже в самые нежные свои годы Лика имела кое-какие мозги. Им обоим вполне хватало того, что всегда имелся наготове партнер для вылазок в клуб, ну и, само собой, для секса. Никита тоже, должно быть, вспомнил об этом:

– Выручим друг друга по старой памяти? В плане дружеского секса?

Лика засмеялась:

– Как был тепло, так и остался! Ладно, поедem к тебе.

– А почему ко мне? Твой бывший, что, тебя без крыши над головой оставил?

– Угадал. Снимаю комнату, и даже квартирная хозяйка имеется.

Ли́ка на всякий случай подстраховалась, немного приврав, потому что с Никиты стало бы попытаться пристроиться у нее пожить. Никита родился в Питере, но почему-то жилья не имел, вечно скитаясь по съемным квартирам.

Прокатившись по каналам и перекусив в первой попавшейся кафешке, они поехали к Никите. Он обитал возле станции метро «Лесная», в блочной пятиэтажке.

Поднимаясь вслед за Никитой по крутой лестнице с узенькими ступенями, Ли́ка поражалась обилию дверей на каждой крохотной площадке.

– Что головой вертишь, Анжелка? Забыла, как обычные люди живут?

С грохотом отперев дверь в квартиру, Никита впустил Ли́ку в переднюю, в которой свободной оставалась только узкая щель между штабелями коробок, нагроможденных до самого потолка. Пробираясь между ними, Ли́ка опасливо поинтересовалась:

– А чем это так жутко пахнет?

– Не бойся, не тараканов травили. Это мой сосед, гений-одиночка, дома работает.

Никита открыл дверь в комнату. Одна стена была также заставлена картонными коробками, но в комнате еще помещался разложенный диван, платяной шкаф и стол с компьютером.

– Интерьер в стиле деловой роскоши – бросил Никита, сгребая с дивана разбросанную одежду и заталкивая ее в шкаф. – Я же все-таки дизайнер.

Ли́ка постояла, насмешливо улыбаясь, демонстрируя, что она ничего другого и не ожидала. Но для нее, привыкшей за годы супружества к регулярному сексу, вынужденный перерыв оказался слишком долгим. И она, посмеиваясь, стянула через голову узкое платье и шагнула к Никите.

Через пару часов они валялись на том же диване, и, смеясь, пытались укунить одно яблоко вдвоем.

– Кофе хочешь? – вспомнил Никита об обязанностях гостеприимного хозяина.

– Хочу. А в кухне у тебя тоже коробки?

– Самая малость. Дай еще чуть полежу, и тогда пойду кофе сварганю. Если хочешь побыстрее, сходи сама. Кухня напротив. Мой стол и шкафчик возле окна.

– Лентяюга!

Ли́ка набросила на себя футболку Никиты и пробралась в кухню. Микроскопическое пространство разделялось пополам. Там стояли два стола, два табурета и на стенах висели два шкафчика. На том сходство заканчивалось. Стол Никиты отличался относительной пустотой и чистотой, но вот второй... Стало понятно, откуда исходил тот самый едкий запах химикатов. Каждый сантиметр пространства был заставлен колбами, ретортами, мензурками, спиртовками, и много еще каким оборудованием, названий которого Ли́ка не знала.

Она быстро сварила кофе и вернулась в комнату с двумя чашками.

– У вас не кухня, а филиал химзавода. Ты снимаешь комнату?

– Обижаешь, подружка, купил. Еще три тысячи ведер – и ключик, то бишь вторая комната, тоже будут мои. Сосед заранее согласился мне ее продать. А пока жизнь и работа – все в одном флаконе.

– Это как?

– Как видишь. Перед тобой склад интернет-магазина, а я генеральный директор, диспетчер и менеджер. Иногда и курьер, как сегодня. Парень, что заказы развозит, отпросился на пару дней. Вот я сегодня доставкой и занимался, и, как видишь, тебя к себе доставил.

– А чем ты торгуешь?

– Да чем придется, признаться, без моего чумного соседа я много бы не заработал.

– Как это?

– У нас с ним симбиоз. Он в состоянии придумать и сделать замечательные, уникальные штуки, а я умею продать.

– Если не секрет, что это за уникальные штуки?

– Как раз секрет. Этот парень уже жил в соседней комнате, когда я сюда переехал, она ему и принадлежит. Все остальные жильцы, что снимали эту комнату до меня, сбегали через пару недель, боясь, что он их или взорвет, или отравит. А мы с ним поладили, и мне даже удалось купить эту комнату гораздо дешевле обычной цены. Хозяин был рад до беспамьятства, когда избавился от такой обузы.

– Ты так и не сказал, чем он занимается. Вы не наркотой торгуете, братья по симбиозу? Не хватало еще в свидетели попасть!

Лица резко встала, нашла свое платье на подлокотнике дивана. С ее планами засветиться в полиции в любом виде, даже в качестве простого свидетеля было крайне нежелательно.

– Постой, Анжелка! – Никита удержал ее за руку, усадил рядом с собой, – ты что, меня не знаешь? Наркотой занимаются жадные отморозки, у кого в голове извилины параллельные. Парень из соседней комнаты, его зовут, кстати, Августин – в самом деле гений-одиночка. Его выгнали из «тряпочки»⁹ за постоянные прогулы. Он не в состоянии заниматься тем, чем ему не интересно, зато может сутками просиживать, чтобы, например, перекрасить майского жука в фиолетовый цвет.

⁹ «тряпочка», «тряпка» – так в Петербурге называют институт дизайна и технологий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.